

М. К. ЛЮБАВСКИЙ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ЛИТОВСКО-РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА
ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Матвей Любавский

**Очерк истории Литовско-
Русского государства до
Люблинской унии включительно**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2012

Любавский М. К.

Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2012

Данная книга является переизданием фундаментального, обобщающего труда по истории Великого Княжества Литовского выдающегося российского историка Матвея Кузьмича Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно». В работе в масштабах восточноевропейского социально-исторического контекста X–XVI вв. рассматриваются ключевые вопросы происхождения, становления и развития этого государства: факторы и механизмы рождения державы; эволюция ее основных социальных, политических, правовых структур и институтов; роль уний XIV–XVI вв. и внешнеполитических факторов в исторической судьбе ВКЛ; историческое своеобразие этого государства и его общества по сравнению с Московской Русью и Польшей (XIII–XVI вв.). Рассчитана на профессиональных историков-исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов, магистрантов, краеведов и всех, кто интересуется историей Великого Княжества Литовского, Беларуси, Литвы, Украины, Польши, России.

© Любавский М. К., 2012

© Издательский дом “Белорусская наука”, 2012

Содержание

Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества	7
Историографическая традиция и источники изучения проблемы	7
Жизненный путь ученого	16
История дореволюционной России в историко-географических трудах М. К. Любавского и его лекционных курсах начала XX в	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Матвей Кузьмич Любавский
Очерк истории Литовско-
Русского государства до
Люблинской унии включительно

Матвей Кузьмич Любавский
(1860–1936)

Редакционная коллегия серии:

А. А. Коваленя (главный редактор серии),

А. И. Груша, В. А. Воронин, Г. Я. Голенченко, В. В. Данилович, А. Б. Довнар, М. Г. Жилинский, Д. В. Карев (ответственный редактор тома), Г. В. Корзенко, О. Н. Левко, А. М. Литвин, А. М. Медведев, М. П. Костюк, М. К. Кошелев, В. Н. Смехович, В. В. Яновская

Автор вступительных статей Д. В. Карев

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю. Н. Бохан, доктор исторических наук Г. Я. Голенченко,
доктор исторических наук А. Н. Нечухрин

Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества

Историографическая традиция и источники изучения проблемы

Преемник В. О. Ключевского по кафедре русской истории Московского университета профессор М. К. Любавский был ярким представителем исторической науки России конца XIX начала XX в. Интерес к творчеству ученого был велик в первое двадцатилетие прошлого века и снова возрос в 60-е годы в связи с развитием вспомогательных исторических дисциплин, в частности исторической географии, и бурным ростом монографических исследований по истории союзных республик (УССР, БССР, ЛитССР). Имя Любавского довольно часто встречается в историографических работах. Однако творческое наследие этого ученого еще не было предметом комплексного научного анализа.

Рукописи исследований материалов профессора М. К. Любавского по истории ВКЛ дошли до нас в очень незначительном количестве. Фактически из всего дореволюционного «литовского» творческого наследия ученого в распоряжении исследователя имеются только материалы к работам по истории Литовско-Русского государства, выписки из архивных источников Книги Записей и Судных дел Литовской Метрики (около 200 листов) и отрывочные материалы из семинара по изучению «внутреннего строя Литовской Руси на основании законодательных памятников» (1901/02 учебный год). Однако из официальных и вполне достоверных источников известно, что М. К. Любавский на протяжении почти трех десятилетий преподавания в Московском университете читал не только спецкурсы по истории Великого Княжества Литовского, но и вел семинары, где разбирались и анализировались важнейшие его источники в учебных 1903/04 и 1908/09 гг. Вне поля зрения как дооктябрьской, так и советской исторической науки осталась тема «М. К. Любавский как историк феодальной России». В значительной степени достаточно полное освещение в историографии получило лишь творческое наследие ученого по литовско-белорусской истории. Знакомство с трудами ученого по истории феодальной России, как опубликованными, так и неопубликованными, убеждает в необходимости специального исследования в этой области. М. К. Любавский около 20 лет жил и работал в годы советской власти. Поэтому комплексный анализ его творчества, помимо заполнения одной из недостаточно изученных страниц истории российской исторической науки периода империализма, дает нам ценную информацию для разработки двух важнейших, но далеко недостаточно исследованных тем советской историографии: «Кризис буржуазной историографии в СССР в 20-е годы XX в.» и «Школа Ключевского после Октябрьской социалистической революции».

Недостаточно оценен в историографии и тот факт, что фундаментальные труды российского либерального историка М. К. Любавского существенно подорвали поддерживаемую правительственной Россией «западно-русистскую» версию истории ВКЛ. Нами предпринята попытка путем изучения жизненного и творческого пути ученого выявить некоторые общие тенденции развития исторической науки России конца XIX начала XX в.

Историография темы «М. К. Любавский» сравнительно невелика по объему. В дореволюционной русской историографии обобщающих работ об ученом не было. Есть материалы, которые являются скорее источником для историографического изучения: рецензии, дискуссионные работы и юбилейные статьи.

Отметим, что в дореволюционной русской академической науке М. К. Любавский был хорошо известен как крупнейший специалист и знаток в трех областях исторической науки:

истории Великого Княжества Литовского¹, исторической географии, истории западных славян² и как автор оригинальной концепции древней русской истории³. Особенно значительными признавались заслуги Любавского в деле изучения Великого Княжества Литовского. Хотя и в этой, казалось бы, наиболее изученной области творчества ученого советскими историками решены далеко не все вопросы, ответы на которые позволили бы воссоздать полноценный «исторический портрет» М. К. Любавского. Прежде всего это вопросы истории создания работ, их источниковой базы, источниковедческого мастерства историка в связи с его методологическими установками, научного «резонанса» исследований Любавского в современной ему историографии. Решение их затруднено крайней скудностью дошедшей до нас источниковой базы для изучения творческой лаборатории ученого. Большинство дореволюционных русских историков были солидарны с оценкой, которую дал «литовскому» наследию ученого С. А. Котляревский. Любавский был официально признан главой научной школы, занимающейся исследованием и разработкой Литовско-Русской истории⁴.

«История западных славян» (М., 1917) М. К. Любавского оценивалась русской исторической наукой начала XX в. в целом очень высоко. Книга была отмечена как «добрый почин», с которого «истолкование истории славян сдвинулось с той мертвой точки, на которой оно пребывало»⁵; говорилось о талантливом изложении новейшей истории Чехии и Польши⁶. Как первый труд на русском языке, содержащий в себе цельную историю западного славянства, она была признана «ценным вкладом в русскую историческую науку, как картина социально-правовой эволюции западного славянства».

В советской исторической литературе есть немало, большей частью фрагментарных, «заметок»-оценок творческого наследия М. К. Любавского. Иногда они имеют противоречивый характер, что является отражением взглядов тех ученых, которые давали эти оценки, и закономерностей роста самой советской исторической науки, прошедшей через определенные степени развития⁷.

Первой работой, в которой характеризовалось творчество Любавского, было «Введение в русскую историю» В. И. Пичеты⁸. По его словам: «Белорусская историография получила значительное движение вперед благодаря трудам М. К. Любавского, которые составили эпоху в литовско-белорусской историографии и к которым неоднократно будут возвращаться исследователи независимо от того, разделяют ли они точки зрения и мнения Любавского или нет. Вся последующая историография прямо или косвенно идет по пути, проложенному Любавским»⁹. В работе В. И. Пичеты была дана и краткая оценка основных трудов М. К. Любавского по литовско-белорусской истории. Особое внимание было уделено магистерской диссертации

¹ Отчет о втором присуждении премии Г. Ф. Карпова Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете // Чт. ОИДР. М., 1894. Кн. 4; Отчет о 36 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1893 (рец. проф. С. А. Бершадского); *Довнар-Запольский М. В.* Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма. СПб., 1904; *Максимко Н. А.* Литовско-русские сеймы. Харьков, 1902; Отчет о 45 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1905 (рец. Ф. И. Леонтовича); Отчет о 9 присуждении премии Г. Ф. Карпова Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1903 (рец. И. И. Лаппо); *Кизеветтер А. А.* М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910; Русская мысль. 1910. № 5; *Малиновский И.* Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП. 1910. № 11; *Грушевский М.* Новейшая литература по истории В. К. Литовского // Український науковий збірник. Львів, 1916. Вып. II; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1916. С. 129.

² *Бороздин И. М.* К. Любавский. К 30-летию научной и педагогической деятельности // Педагогический вестник Моск. уч. округа. М., 1914. С. 91.

³ *Грушевский М. С.* Древняя Русь в новых курсах // Голос минувшего. М., 1918. № 8. С. 304–313.

⁴ Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 1.

⁵ *Ясинский А. Н.* М. К. Любавский. История западных славян // Исторические известия. 1917. № 2. С. 169.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ *Ильинский Г.* Первый русский опыт западнославянской истории // Анналы. 1923. № 3. С. 252.

⁸ *Пичета В. И.* Введение в русскую историю. М., 1922. С. 142, 178–187, 188.

⁹ Там же.

Любавского¹⁰. Пичета считал, что московская школа историков в лице Любавского отказалась от того централизма, который преобладал в направлении ее историографии, и стала на путь изучения отдельных составных частей Русского государства¹¹.

В докторской диссертации Любавский¹², по мнению Пичеты, «дает отчетливую картину эволюции самого учреждения», позволяя составить «отчетливое представление как об организации центральных учреждений, так и тех общественных элементах, из которых они состоялись»¹³. В. И. Пичета критически подходил к трудам своего учителя. По его мнению, в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» Любавский почти не касается тех материальных факторов, из которых слагалась общая структура народного хозяйства; отмеченные Любавским экономические мероприятия правительства интересуют его не столько со стороны их экономического содержания, сколько «своим публично-правовым характером»¹⁴.

М. М. Богословский пишет о том, что Любавский «в конце 20-х годов XX в. считается одним из самых видных и выдающихся представителей науки русской истории»¹⁵. Такую репутацию создали ему, по мнению Богословского, две главные заслуги работы по истории Литовской Руси и исторической географии России. В обеих этих областях знаний М. К. Любавский «оставляет после себя глубоко вспаханное поле там, где до его трудов были только первые попытки, первые пробные борозды»¹⁶. Так же, как и Пичета, Богословский утверждал, что от авторитетных и «дающих направление работ Любавского пошли в дальнейшем работы ряда историков: М. В. Довнар-Запольского, И. И. Лаппо, В. И. Пичеты и др.»¹⁷.

В двух главных вопросах своих историко-географических работ заселение отдельных областей России и образование политических объединений – по ширине предпринятых разысканий, по полноте добытых данных и точности, с которой они излагаются, М. К. Любавский, по оценке М. М. Богословского, «не имеет себе равных среди его предшественников в области изучения исторической географии России»¹⁸. Изучение подобных проблем создало М. К. Любавскому в конце 20-х годов «положение крупнейшего авторитета в области исторической географии и единственного в ней знатока и специалиста»¹⁹.

1930 год был годом не только крупных перемен в личной судьбе Любавского, но и резкого изменения в оценке его творчества. М. Н. Покровский и его ученики и последователи развернули в эти годы острую борьбу против идейного влияния «буржуазной исторической науки». Ценным и полезным начинанием была попытка освещения идейной платформы русских историков второй половины XIX начала XX в. Здесь ими были достигнуты значительные положительные результаты, но имелись и значительные ошибки, издержки. Примером подобного рода работ, в которых имели место ошибочные, схематичные положения, были труды С. А. Пионтовского. Подвергая критике работы Платонова, Маркевича, Бахрушина, он уделяет внимание также Любавскому, его работе «Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра» (Л., 1929). Он утверждает, что вся ее

¹⁰ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута; Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 187.

¹¹ Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 187.

¹² Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1901.

¹³ Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 188.

¹⁴ Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 188.

¹⁵ Богословский М. М. Записки об ученых трудах проф. М. К. Любавского. Б. м., б. г. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

ценность «не идет дальше установления хронологического списка присоединения к Московскому княжеству отдельных областей и районов»²⁰, и расценивает продолжение Платоновым, Любавским, Бахрушиным и Маркевичем традиций Ключевского (изучение проблемы колонизации) как «политическое выступление тех, кто до сих пор еще не примирился с окончательной гибелью системы отношений собственности»²¹.

В более поздней работе Пионтковский справедливо отмечает трудность «раскладки по полочкам» отдельных «буржуазных» историков по социальному признаку, так как в социальных группировках буржуазии имелись нюансы и прослойки. В области идеологии «эти нюансы и прослойки сплетаются и переплетаются в чрезвычайно своеобразных и причудливых сочетаниях. Отсюда уже не раз получалось, что отдельные фигуры отдельных представителей буржуазной историографии возбуждали целый ряд споров и зачислялись по разным прослойкам»²². К сожалению, сам автор, делая это верное замечание, не мог избежать политизированного необъективного подхода в оценке места Любавского в русской историографии, заявив, что «политическая программа российской буржуазии в годы нэпа была сформулирована в работах Любавского, Бахрушина и ряда других»²³.

Причисляя Любавского к «социологической» школе Ключевского, Пионтковский включает его в одну группу с такими историками, как Корнилов, Платонов, Ключевский; квалифицирует их как «представителей кулацкой торговой буржуазии»²⁴, хотя они отличались друг от друга своими политическими взглядами и убеждениями. После работ Пионтковского, вплоть до начала 1940-х гг., имя Любавского фактически исчезает со страниц монографий и статей по истории (за исключением работ В. И. Пичеты).

В 1941 г. вышла книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», в которой дана в основном верная оценка главных трудов Любавского. Крупной заслугой ученого Рубинштейн считал обращение к «областной» теме, к изучению того раздела нашей истории, который оставался вне поля зрения предшествующих русских историков. В трактовке Любавским темы Литовско-Русской истории Рубинштейн отмечал исходные позиции государственной школы. Рубинштейн считал, что в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910) Любавский подошел к раскрытию проблемы развития феодальных отношений²⁵. Интересна оценка Рубинштейном «Лекций по древней русской истории до конца XVI века» (М., 1915), где, исследуя экономическую и социальную историю Древней Руси, М. К. Любавский попытался в исходную государственную схему включить результаты специальных исследований Павлова-Сильванского, Преснякова, Дьяконова. «Но при всем том, замечает Рубинштейн, он не мог подойти к общему пересмотру всей исторической концепции, к которому уже в начале века пришел Павлов-Сильванский»²⁶. «Образование основной государственной теории великорусской народности» Рубинштейн оценил как попытку построения общеисторического исследования непосредственно на историко-географическом материале²⁷. Но он не дал анализа содержания этой работы.

В 30-40-е годы В. И. Пичета в ряде статей по истории Литвы и Беларуси дает оценку отдельным положениям работ Любавского, отмечая как их положительные моменты, так и ошибочные утверждения. Эти статьи вошли в сборник статей В. И. Пичеты «Белоруссия и

²⁰ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии // Историк-марксист. М., 1930. Т. 17. С. 23.

²¹ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии. С. 26.

²² Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 12–13.

²³ Там же. С. 92.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 510.

²⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 500.

²⁷ Там же. С. 494.

Литва XV и XVI веков» (М., 1961)²⁸. В. И. Пичета отмечал, что Любавский внес много ценного в исследование вопросов хозяйственного значения: холопства, социального состава населения государственных дворов, о паробках, о сборе прямого налога «серебщины», о причинах закупничества и происхождении «похожих людей»²⁹. Он снова, как и в начале 20-х годов, считает 90-е годы XIX в. переломным моментом в изучении истории Великого Княжества Литовского и связывает его с появлением работы М. К. Любавского «Областное деление». В то время как польская историография в лице К. Шайнохи, С. К. Стадницкого и других исследователей сосредоточила внимание на изучении главным образом проблемы польско-литовских уний XIV–XVI вв., М. К. Любавский обратился к изучению «внутреннего положения Великого княжества Литовского как отдельного, независимого от Польши и самостоятельно развивающегося государства»³⁰.

Пичета раскрывает понимание Любавским феодализма не как системы производственных отношений, а как формы организации власти и управления. Тем самым Любавский, в понимании Пичеты, оставался на позициях юридической школы, но Пичета обращал внимание на то, что Любавский отмечает классовую сущность Великого Княжества Литовского, наличие борьбы в рядах феодального класса, справедливо полагает, что исследуемые Любавским институты результат внутреннего развития Великого Княжества Литовского³¹. Существенным методологическим недостатком В. Пичета считает неправильное толкование Любавским вопроса о происхождении крепостного права. Говоря о методологических корнях научного творчества Любавского, Пичета называет его «опытным исследователем-позитивистом»³².

Г. А. Новицкий в разделе о русской исторической науке эпохи империализма в «Истории Московского университета» утверждал, что работы Любавского пронизаны охранительными тенденциями и монархическими идеями, написаны в историко-юридическом плане. Несмотря на громадный фактический материал, они, по его мнению, «не дали правильного представления об истории польского, чешского, литовского и других народов, а во многих случаях ее искажали»³³.

В монографии В. Т. Пашуто Любавский признается «наиболее крупным представителем отечественной литванистики», которым по вопросу об образовании Литовского государства был «высказан ряд верных положений»³⁴, в частности о давнем развитии в Литве имущественного и социального неравенства, о литовском нобилитете, об унии и др. Он отмечает и недостатки труда Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно»: «...отрыв истории государства от истории хозяйства страны; отсутствие связи истории образования государства с историей общества, неосвещенность истории борьбы литовского народа с немецкой и польской агрессией, отсутствие анализа источников и историографии вопросов»³⁵.

Советская историография 60-х начала 80-х годов в оценке «литовской части наследия Любавского в значительной степени идет в русле характеристик, данных В. И. Пичетой и В. Т. Пашуто. Они отражены в специальных историографических статьях³⁶, в очерках по историографии Литвы и Беларуси³⁷.

²⁸ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. М., 1961. С. 153, 154, 158, 185, 340, 397.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 183.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 378, 374.

³³ История Московского университета. М., 1955. С. 460.

³⁴ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1957. С. 186.

³⁵ Там же. С. 86–190.

³⁶ Ючас М. А. Русские историки о Великом княжестве Литовском // Тр. АН Литовской ССР. Вильнюс, 1966. Сер. 1. С. 77.

³⁷ См.: Игнатенко А. П. Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография. Минск, 1965; Улащик Н.

Так, З. Ю. Копысский, характеризуя историографию Беларуси конца XIX начала XX в., относит Любавского к либерально-буржуазному направлению³⁸. Литовский историк А. Ю. Гайгаляйте отмечает, что заслуга разработки литовской истории XII–XVI вв. принадлежит М. К. Любавскому, «который широко использовал материал Литовской метрики и обратил внимание на экономику и социальные отношения. Он дал также очерк политической географии Литвы»³⁹. С большой полнотой значение работ Любавского для историографии Беларуси раскрыто В. Н. Перцевым. Он считает ошибочными взгляды Любавского на добровольный характер подчинения русских земель, на возникновение крепостного права в Беларуси, видевшего в нем развитие правовых отношений, которым были подчинены смерды в Киевской Руси. В то же время он подчеркивает, что труды Любавского по обилию фактических данных, почерпнутых из источников, многие из которых он впервые ввел в научный оборот, до сих пор сохраняют свою ценность⁴⁰.

Сходную позицию занимает и новейшая литовская историография, считающая, что благодаря своей многогранности и высокому научному уровню анализа и синтеза огромного документального массива труды М. К. Любавского не утратили своего значения и поныне⁴¹.

Если в деле изучения «литовского» наследия М. К. Любавского в советской историографии существует значительная историографическая традиция, то этого нельзя сказать применительно к его исследованиям по истории России, исторической географии, истории западных славян. Имеются лишь отдельные замечания, разбросанные в различного рода специальных статьях и монографиях.

Немного внимания работе Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности» уделяет Л. В. Черепнин, считающий, что ученый остался «в плоскости историко-географических наблюдений, не понял классовой сущности государства и рассматривал его как чисто внешний процесс расширения территории»⁴². Аналогичных взглядов придерживался и А. Н. Насонов⁴³. И. П. Шаскольский перечислил вопросы работы⁴⁴.

Более подробные замечания о курсе лекций Любавского по исторической географии были высказаны М. Н. Тихомировым. С его точки зрения, Любавский, ставя на первый план колонизационные процессы, придает громадное значение и так называемой монастырской колонизации Севера. Тихомиров охарактеризовал Любавского как поборника правительственной колонизации⁴⁵. Но в свое время такая историко-географическая работа М. К. Любавского, как «Историческая география России в связи с колонизацией» (М., 1909), была своего рода откровением ввиду полного отсутствия трудов по исторической географии России позднего времени (XVI–XVIII вв.)⁴⁶. А. А. Зимин и А. А. Преображенский также считают, что монастырскую колонизацию Любавский показал в розовых красках, в духе старой историографии, а в «Заселении...» сложный процесс внутренней колонизации, включения «нерусских народов» подменил разбором «примыслов»⁴⁷ великих князей московских.

Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Беларуси феодального периода. М., 1973.

³⁸ Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 270.

³⁹ Там же. Т. 8. С. 733.

⁴⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 726.

⁴¹ Гудавичюс Э. Процесс закрепощения крестьян Литвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1973.

⁴² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Т. 1. С. 4.

⁴³ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Л., 1951. С. 14.

⁴⁴ Шаскольский И. П. Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 100.

⁴⁵ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 5, 419.

⁴⁶ Там же. С. 4.

⁴⁷ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1965. Т. IV. С. 374.

«Истории западных славян» М. К. Любавского в советской историографии посвящено два отзыва. По мнению А. М. Панкратовой, она была «первой серьезной работой, опубликованной после Октябрьской революции», в этой области исторической науки⁴⁸.

Безусловно, как «выдающийся труд» характеризуют эту работу Любавского В. И. Пичета и У. А. Шустер. По мнению авторов, Любавский благодаря превосходному знакомству с западноевропейской, чешской, польской историографией, а также исчерпывающему знанию источников полно и отчетливо восстановил картину прошлой жизни западного славянства⁴⁹.

Из проделанного обзора литературы, раскрывающей степень изученности творческого наследия М. К. Любавского, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рассматриваемая нами литература, дав ряд верных и интересных оценок Любавскому и его научному творчеству, страдает известной односторонностью. В основном анализируются работы Любавского по истории Великого Княжества Литовского. Советской историографией были только затронуты, но не подвергались специальному анализу историко-географические работы Любавского, его труды по истории западных славян, обойдены вниманием лекционные курсы по истории Русского государства X–XVIII вв. Такая односторонность затруднила выработку правильной общей оценки творчества Любавского. Особенно ярко это сказалось на обобщающей оценке творчества М. К. Любавского, данной в учебнике «Историография истории СССР», где он причисляется к историкам «одной темы»⁵⁰. Оценка эта по меньшей мере спорная. Опубликованное творческое наследие Любавского и характеристики, данные ему виднейшими советскими учеными, заставляют думать о противоположном.

Во-вторых, вызывает сомнение и немотивированное зачисление ученого в лагерь выразителей идеологии реакционного дворянства, поставившее его в один ряд с Н. К. Шильдером и С. С. Татищевым⁵¹. В советской историографии существует и другое мнение: его считают представителем либерально-буржуазного направления (С. А. Пионтковский, З. Ю. Копыцкий, В. И. Пичета, В. Н. Перцев). Разные мнения по поводу принадлежности историка к какому-нибудь одному определенному направлению в русской исторической науке эпохи империализма объясняются, на наш взгляд, двумя основными причинами: отсутствием его научной биографии и тем, что творчество Любавского изучалось в отрыве от нее. Взгляды ученого изучались в «статике», а не в «динамике».

В связи с этим из поля зрения исследователей выпадал целый ряд «ключевых» тем, без анализа которых невозможно создать обобщающий историографический портрет. Не освещалось формирование мировоззрения Любавского, не рассматривалась творческая история создания его работ, не привлекался архивный материал для изучения творческого облика ученого. Последнее особенно важно, поскольку, как показали находки в архивах, в советское время им был создан ряд капитальных трудов по социально-экономической истории России XVII–XIX вв. и исторической географии, публикация которых в те годы по различным причинам не состоялась.

Полноценное раскрытие всех трех «срезов» биографии (научная, общественно-политическая деятельность и личная жизнь) во многом зависит от того, в каком объеме сохранилась база источников для ее изучения, в каком объеме в этих источниках могло запечатлеться искомое явление, в каких соотношениях находятся различные виды источников «биографического» комплекса⁵².

⁴⁸ Панкратова А. М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., 1942. С. 32.

⁴⁹ Пичета В. И. Славяноведение в СССР за 25 лет // Пичета В. И., Шустер У. А. Двадцать пять лет... С. 225.

⁵⁰ Историография истории СССР. 2-е изд. М., 1971. С. 410.

⁵¹ Там же. С. 468.

⁵² Бобинская Ц. Пробелы в источниках. Методологический анализ // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 80–81.

Имеющаяся у нас база «биографического» комплекса характеризуется прежде всего следующим. В основном она состоит из протоколов заседаний, формулярных списков о службе, дел об утверждении и назначении в должности тех учреждений, с которыми была связана преподавательская, научная, служебная деятельность М. К. Любавского⁵³. Фонды Московского университета дают нам краткие сведения о жизни Любавского до поступления в вуз, о магистерских занятиях, преподавательской деятельности и работе на посту ректора, об отношении к Первой мировой войне и событиям Февральской революции⁵⁴. В значительной мере их дополняют источники из фондов Министерства народного просвещения, которые позволяют получить информацию об истории получения ученым кафедры в Московском университете, начальных этапах его университетской деятельности и обстоятельствах назначения на пост ректора⁵⁵. Преподавательская работа после Октябрьской революции очень фрагментарно прослеживается по материалам фондов этнологического факультета и факультета общественных наук при 1-м МГУ (степень участия историка в университетской жизни, творческие планы, отношение к нему профессуры)⁵⁶.

О высоком авторитете профессора М. К. Любавского в среде дореволюционного поколения русской научной общественности свидетельствуют отзывы о нем и его ученых трудах академиков М. А. Дьяконова⁵⁷, М. М. Богословского⁵⁸, переписка по поводу подготовки сборника статей в его честь⁵⁹, сведения об обстоятельствах избрания исследователя членом-корреспондентом и действительным членом АН СССР⁶⁰. Работа М. К. Любавского на посту руководителя ОИДР отражена в материалах архива этой организации за 1917–1929 гг.⁶¹ О большой организаторской и теоретической работе историка в области советского архивоведения в первые годы становления Страны Советов свидетельствуют документы из фонда ГУАД за 1918–1926 гг.⁶²

Все эти источники только в сумме своей позволяют, хотя бы мозаично, наметить канву биографии историка. Они дают данные для обрисовки «внешней» стороны жизни М. К. Любавского биографии действия, а не внутреннего мира. Здесь они в какой-то степени дополняются материалами эпистолярного характера.

Эпистолярный ученый по объему невелик. В результате архивных поисков в 18 архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Уфы выявлено около 150 писем М. К. Любавского, относящихся к концу XIX 20-м годам XX в. Крайняя неравномерность их распределения во времени существенная особенность, которая затрудняет полноценное воссоздание биографии. К тому же 70 % писем носят деловой, официальный или полуофициальный характер. Их можно сгруппировать в три раздела: 1) письма об университетских делах Н. А. Попову, В. О. Ключевскому⁶³, М. М. Богословскому⁶⁴, В. И. Ламанскому, М. А. Менэбиру, А. Р. Михайлову, М. Н. Сперанскому, В. Н. Щепкину, Ф. Е. Коршу⁶⁵; 2) письма по делам ОИДР Е. В. Бар-

⁵³ Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии. М., 1976. С. 266–267; Завелев А. И., Наумов В. П. Историографический факт: критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 18–30.

⁵⁴ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186; Оп. 476. Д. 215, 35, 39, 43, 420–424; Оп. 89–95. Д. 1, 4; Оп. 92. Д. 747; Оп. 95. Д. 926.

⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 58, 372; Оп. 150. Д. 1037; Оп. 129. Д. 13; Ф. 740. Оп. 7. Д. 500; Ф. 744. Оп. 1. Д. 269.

⁵⁶ Архив МГУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7, 8, 15, 67, 121; Ф. 18. Оп. 1. Д. 8, 10, 42, 96–98.

⁵⁷ РО РНБ. Ф. 270. Д. 11, 140.

⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 3–4, 42.

⁵⁹ Архив СПб ОИИ. Ф. 29. Д. 1. Л. 1–107.

⁶⁰ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 1. Оп. 1а. № 164, 165; Ф. 2. Оп. 7–1913. № 25; Оп. 1. 1905. № 30; Оп. 17. Д. 168.

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 203. П. 48. Л. 50–60 об., 118–120, 223–225, 26–229 об., 281–282, 362.

⁶² ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 37, 39, 106; Ф. 2. Д. 42, 142; Оп. 4. Д. 3; Оп. 5. Д. 14, 156; Оп. 7. Д. 174; Оп. 15. Д. 15; ЦГНХ СССР. Ф. 4360. Оп. 1. Д. 4.

⁶³ ОР РГБ. Ф. 239. К. 12. Д. 44; Ф. 131. К. 32. Д. 57; ОРФ ИМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 171.

⁶⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 50.

⁶⁵ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 35. Оп. 1. Д. 850; Ф. 248. Оп. 2. Д. 23; Ф. 171. Оп. 2. Д. 56; Ф. 172. Оп. 1. Д. 131; Ф.

сову^{66, 67}, В. М. Истрину⁶⁸, Г. Г. Писаревскому⁶⁹, С. А. Белокурову⁷⁰; 3) письма-записки с приглашением прийти в гости или изъявлением благодарности за оказанные услуги А. С. Лаппо-Данилевскому⁷¹, П. Н. Сакулину⁷², А. А. Шахматову⁷³, С. В. Бахрушину⁷⁴.

К сфере глубоко личных писем, где историк позволяет себе «раскрыться», можно отнести лишь письма М. К. Любавского к А. Е. Грузинскому, В. В. Розанову⁷⁵, В. И. Герье⁷⁶ и С. Ф. Платонову⁷⁷. Их мало, но они приходится на переломные, очень важные периоды истории нашей страны (1906–1908 и 1917 гг.), по отношению к которым отчетливо обнаруживается проявление наиболее активных социально-политических мотивов и отношений личности, подготовленных предыдущим ее развитием, яснее всего обнаруживается ее характер⁷⁸.

Для тех периодов жизни ученого, где налицо были архивные источниковые лакуны (особенно это характерно для последнего десятилетия жизни Любавского вторая половина 20-х начало 30-х годов), возникает необходимость привлечь материалы его научного наследия и рассмотреть их не только в историографическом, но и в биографическом ракурсе, извлечь из них информацию, важную для понимания историка как личности. Ибо то, как человек объясняет и комментирует поведение других людей и событий, позволяет исследователю предвидеть модель его поведения в той или иной ситуации⁷⁹. Состояние источников «биографического» комплекса (при всех его лакунах) и относительно хорошая сохранность дошедшего до нас опубликованного и неопубликованного творческого наследия М. К. Любавского дают возможность для решения основных задач нашей работы.

254. Оп. 1. Д. 131; Ф. 254. Оп. 1. Д. 42; Архив РАН. Ф. 558. Оп. Д. 203.

⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 18. Л. 111–114.

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 16, 111, 49.

⁶⁸ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 332. Оп. 2. Д. 84.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 227, X, 3/1-в.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 647, 1064.

⁷¹ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 113. Д. 243.

⁷² РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 531.

⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 624. Оп. 14. Д. 3.

⁷⁴ Архив РАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 119.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 202; Ф. 419. Оп. 1. Д. 537.

⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 70. К. 48. Д. 13–16; К. 34. Д. 46.

⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 1196.

⁷⁸ Мердин В. С. Принципы психологической характеристики типов личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 233.

⁷⁹ Москвичев С. О. Проблемы мотивизации в психологических исследованиях. Киев, 1975. С. 49; Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970. С. 111; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 620.

Жизненный путь ученого

Формирование общественно-политических и исторических взглядов (1870-е начало 1900-х гг.). Будущий известный историк родился 1(14) августа 1860 г. в селе Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губернии в семье дьячка. Детство Матвея Кузьмича было голодным, ему рано пришлось задуматься о хлебе насущном. Первоначальные азы грамоты Любавский получил от своего деда, заштатного дьячка: дед учил внука церковнославянской азбуке и чтению. Дальнейшим домашним образованием мальчика занимался его дядя, священник села Меньшие Можары. Он обучил племянника арифметике, грамматике и орфографии⁸⁰.

В 1870 г. Матвей Кузьмич поступил в Сапожковское духовное училище, после окончания которого в 1874 г. продолжил учебу в Рязанской духовной семинарии. Уже здесь из всех предметов обучения семинариста заняла больше других «гражданская история в талантливом и одушевленном преподавании Н. З. Зиорова (позднее архиепископа Варшавского Николая)»⁸¹. Учился он блестяще. Из всех оценок, выставленных в аттестате Любавского до 4-го класса, числится только одна четверка по истории философии⁸². В 1878 г. Любавский закончил 4-й класс семинарии и прибыл в Москву поступать в университет на историко-филологический факультет.

Трудолюбие и практическая сметка помогали молодому студенту выходить из тяжелого, подчас отчаянного положения. Единственной радостью в эти полные забот о куске хлеба годы был университет, его историко-филологический факультет. Здесь было у кого и чему учиться. Всеобщую историю читал маститый ученый В. И. Герье, русскую декан историко-филологического факультета Н. А. Попов, историю русского языка и литературы Ф. И. Буслаев, славянскую филологию известный языковед Дювернуа⁸³. В первые годы учебы сильнейшее влияние на круг исторических интересов Любавского оказал Н. А. Попов. Из тематики его семинаров и «выросли» те работы Любавского по истории Великого Княжества Литовского, которые впоследствии создали ученому имя в науке.

В 1878 г. в семинаре В. И. Герье для младшего отделения разбирались «Анналы» Тацита, труды времен правления Тиберия. Приходилось много читать, много думать, много работать.

На II курсе прибавились новые дисциплины, появились новые преподаватели. Помимо семинаров В. И. Герье и Н. А. Попова, где изучались источники по истории Средних веков, источники по истории Ливонского края и Волынская летопись, читались лекции по логике (М. М. Троицкий), греческим и римским древностям (И. В. Цветаев), истории русского языка и литературы (Н. С. Тихонравов) и всеобщей литературе (Н. И. Стороженко), всеобщей истории (П. Г. Виноградов). В 1879 г. Советом университета был утвержден в звании доцента по кафедре русской истории В. О. Ключевский⁸⁴.

На III курсе М. К. Любавский участвовал в общем семинаре В. И. Герье, где занимался анализом статей по новой истории, и в семинаре В. О. Ключевского, в котором изучались Русская Правда и Псковская судная грамота. К читавшимся ранее курсам лекций добавился новый курс по психологии (М. М. Троицкий).

Прослушав лекции по истории философии (М. М. Троицкий), всеобщей истории (В. И. Герье, В. Ф. Миллер), русской истории (В. О. Ключевский), истории церкви (А. И. Иванов-Платонов), теории и истории искусств (К. К. Герц), политэкономии (А. И. Чупров) и пло-

⁸⁰ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 9.

⁸¹ ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 48. Д. 13, 14.

⁸² ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 2.

⁸³ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1878 г. М., 1879. С. 20–25.

⁸⁴ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1879 г. М., 1880. С. 24, 40, 108–109.

дотворно поработав в семинарах В. И. Герье (средневековая история и история XVIII в.) и В. О. Ключевского (Судебник 1550 г.)⁸⁵, Любавский написал кандидатское сочинение «Дворяне и дети боярские в Московском государстве». Создавалось оно под руководством Н. А. Попова. Матвей Кузьмич был удостоен за эту работу премии им. Исакова, золотой медали⁸⁶ и кандидатской степени⁸⁷. По представлению Попова и Ключевского от 31 мая 1882 г. Любавский был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории⁸⁸.

Первое исследование (неопубликованное) ученого носило историографический характер. Сам Любавский считал свою работу преимущественно критической оценкой мнений, существовавших в русской исторической литературе XVIII–XIX вв. по вопросу о происхождении и составе дворян и детей боярских Русского государства⁸⁹. Но глубокая, внимательная проработка первоисточников позволяла ученому выходить за круг чисто историографических задач работы.

Эта тема таила много неразрешенных вопросов, имевших первостепенное значение для понимания истории Русского государства XV–XVII вв. Почему и откуда возникло привилегированное положение дворянства в Русском государстве? Почему государство так высоко оплачивало службу этого сословия?

Почему правительство ставит целую массу производительного населения в экономическую, а затем и юридическую крепостную от него зависимость?

Ученый считал, что на многочисленные «почему» можно будет дать ответ, если выяснить, как возник «служебный класс дворян и детей боярских в Московском государстве и из каких общественных элементов он составлялся»⁹⁰. Таким образом, отчетливо виден интерес автора к проблеме социальных отношений в Русском государстве. Ответы на эти вопросы социальной истории М. К. Любавский решал в русле чичеринско-соловьевской «государственной» теории. Повышение социального статуса дворянства ученый связывал прежде всего с положением этого сословия, являвшегося основной силой военных сил государства, и особенно конницы, так необходимой в постоянных схватках «лесной» Руси с кочевыми и полукочевыми народами. Вместе с тем дворяне и дети боярские предстают в работах историка как класс, «прикрепощенный к военной службе»⁹¹.

Высшее общественное положение, которое занимала часть дворянства, М. К. Любавский правомерно считал наследием старого времени, традицией удельного периода. Здесь, с одной стороны, были представители аристократических слоев обедневших княжеских и боярских служилых родов (до XIV в.), с другой выходцы из простолюдинов «за службу» (особенно интенсивно с XVI в.)⁹².

В сочинении М. К. Любавского, помимо интересных частных наблюдений, ясно прослеживается желание работать в области исторической географии. Историко-географический элемент в этой работе весьма значителен: (наблюдения об особенностях положения дворянства в зависимости от района службы, своего рода «словесная карта Московского государства XVII в.»)⁹³.

Из стен университета М. К. Любавский вынес прочные и глубокие знания, а также страсти к работе с первоисточниками, привитое Н. А. Поповым и В. О. Ключевским. Именно

⁸⁵ Там же, за 1881 г. М., 1882. С. 20, 96.

⁸⁶ Там же, за 1882 г. М., 1883. С. 25.

⁸⁷ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 16.

⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 1–2.

⁸⁹ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 513. Д. 5023. Л. 24.

⁹⁰ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 513. Д. 5023. Л. 24.

⁹¹ Там же. Л. 10 об.

⁹² Там же. Л. 3, 5–7, 42 об.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 527. Л. 22–22 об.

в университете Матвей Кузьмич завязал личное знакомство с учившимися вместе с ним Р. Ю. Виппером, П. Н. Милюковым, В. Е. Якушкиным, М. С. Корелиным. А с двумя последними на долгие годы установились прочные дружеские отношения.

После отъезда товарищей из Москвы для М. К. Любавского наступила пора одиночества и творческих исканий. Даже одна мысль о гигантском предстоящем труде и цели его, не совсем еще ясной, приводила молодого ученого «чуть ли не к отчаянию». Он «погряз в книги. Естественно, что все другие интересы жизни отошли временно на второй план»⁹⁴. Об этом М. К. Любавский не раз писал своему приятелю В. В. Розанову. Занятия историей учили критически мыслить, много работать, что, по словам самого Любавского, превращало его в Фому неверующего, который, «прежде чем не видит своего перста, не верит». Кропотливые изыскания в области исторической географии, работа над родословными книгами требовали огромных затрат времени и невероятного напряжения сил, тем более что заниматься по одной литературе Любавский не хотел и не любил.

Уважение к факту-первоисточнику, своего рода преклонение перед ним, вытекало из позитивистских установок, впитанных на лекциях М. М. Троицкого представителя того течения в русской философии и психологии, которое соединяло позитивистские установки с религиозно-философскими учениями православной церкви. «В частности, почувствовал я, писал Любавский Розанову, необходимость факта при изучении истории... Только сумма реальных фактов, осмысленных должным образом, возбуждает в душе известное чувство, которое я считаю зиждительным началом жизни: и чем более свидетельств от фактов, тем чувство интенсивнее... Наш дух тут только простая возможность, способность получения впечатлений и образования идей»⁹⁵.

В напряженных занятиях незаметно подошел 1885 год. Н. А. Попов предложил Матвею Кузьмичу работать на кафедре русской истории в Сибирском университете. В Сибирь ехать не хотелось, «ибо в провинции дальнейшие занятия русскою историею немислимы»⁹⁶. Любавский начал уже работать над Литовской Метрикой, в связи с этим понятно его желание остаться в Москве. Начались долгие и мучительные хлопоты по трудоустройству. Со сдачей магистерских экзаменов исчез такой источник существования, как стипендия. Хорошо хоть сохранился один «домашний урок», иначе пришлось бы очутиться в «невозможном положении»⁹⁷. Одно время дела немного улучшились (помогли Герье и Попов), но ненадолго. «Домашний урок» кончился в мае 1886 г., и вопрос о существовании снова выдвинулся на первый план. «До сих пор еще не нашел и мало питаю надежды на то, что найду, писал Любавский Розанову. Что буду делать, если действительно случится последнее, т. е. не найду занятий в Москве, об этом стараюсь не думать...»⁹⁸ К сентябрю 1886 г. удалось устроиться в частную гимназию О. А. Виноградовой преподавателем истории⁹⁹. В это же время возобновилась прерванная работа над диссертацией. Но и в последующие годы Матвей Кузьмич был вынужден возвращаться к своей научной работе урывками. С 1887 г. он начал давать уроки географии во 2-й женской гимназии и Мариинском училище¹⁰⁰. Свою преподавательскую деятельность в средних учебных заведениях М. К. Любавский не прекращал вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Кроме того, он работал товарищем председателя исторической комиссии учебного отдела Русского технического общества (его Московского отделения)¹⁰¹. Но и при такой загруженности

⁹⁴ Там же. Л. 24–25.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 527. Л. 20.

⁹⁶ Там же. Л. 9, 19.

⁹⁷ Там же. Л. 16.

⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 2.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Вся Москва. М., 1887. С. 572, 578, 565.

¹⁰¹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 2.

он сумел к 1892 г. напечатать свою магистерскую диссертацию «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута».

31 мая 1894 г. Любавский получил степень магистра и приступил к преподаванию в Московском университете¹⁰², где проработал до 1930 г.

Первое фундаментальное исследование М. К. Любавского по литовскорусской истории, при подготовке которого большую помощь советами и литературой оказали его учителя Н. А. Попов и В. О. Ключевский¹⁰³, было посвящено памяти Н. А. Попова, «человека, который так много содействовал его появлению». Эта работа представляла собой удачную попытку изображения социально-политических механизмов власти и социальной структуры Великого Княжества Литовского в самостоятельный период его развития (до конца XV в.). Поставленная автором цель уяснение государственного типа «Литовской Руси» была достигнута с помощью детального показа истории происхождения системы местного управления Княжества и выявления ее роли в жизни Литовского государства. Показ системы местного управления в тесной связи с эволюцией внутри самого социального организма государства позволял раскрыть происхождение и состав его «социальных клеток» (историю классов, сословий, категорий населения).

Удачный выбор фактически неисследованной темы, имевшей крайне скудную и отрывочную литературу, и фундаментальная проработка вводимого в научный оборот огромного источникового массива Литовской Метрики (в основном из Отдела записей) позволяли ученому пересмотреть ранее высказанные точки зрения и обосновать их бездоказательность (например, положения В. Б. Антоновича о происхождении крестьян-отчичей, М. Ф. Владимирского-Буданова о громадном влиянии немецкого права в Литве и др.).

Основательность и глубина изучения источников дали возможность ответить на один из главных для ученого вопросов о причинах слабой государственной централизации как наиболее характерной особенности в «конструкции Литовско-Русского государства». Чтобы прийти к доказательным выводам о происхождении и устройстве областного деления, потребовалось специальное исследование неизученной политической географии государства в рассматриваемое время.

Не все задачи удалось решить. В первую очередь это касалось вопроса о закреплении крестьянства. Любавский, несмотря на детальный показ эволюции различных категорий крестьянства Литвы и Беларуси в процессе закрепощения, объяснял право феодала на крестьянский труд действием принципа давности, «старины», господствовавшего якобы во всех сферах государственных отношений Великого Княжества Литовского. Такой вывод был шагом назад даже по сравнению с современной ему историографической версией, представленной в трудах Ф. И. Леонтовича и М. Ф. Владимирского-Буданова, которые выводили теорию происхождения крепостного права в Литовском государстве из долговой зависимости крестьянства (т. е. из экономических условий)¹⁰⁴.

Однако несмотря на некоторые недостатки, эта работа Любавского не только создала прочную основу для исследования истории Великого Княжества Литовского XIII–XV вв., но и явилась фундаментом, необходимым для правильного отображения и оценки последующей эпохи в истории этого государства, ознаменовавшейся тесным сближением его с Польшей. Огромный пласт исторической «целины», поднятый ученым в работе, сделал ее отправной точкой для последующих изысканий в области изучения истории Литвы, Беларуси и Украины.

¹⁰² ОР РГБ. Ф. 239. П. 12. Д. 44; Ф. 131. П. 32. Д. 57.

¹⁰³ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892. С. III.

¹⁰⁴ Леонтович Ф. И. Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий // Киевские университет. Известия. 1863. № 10. С. 4, 18–21; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1880. Вып. II. Прил. 15. С. 31.

Исследование Любавского получило высокую оценку современников, ему была присуждена премия Г. Ф. Карпова от Общества истории и древностей российских (ОИДР) и премия графа Уварова от Петербургской академии наук.

В 1894 г. М. К. Любавского утвердили в должности приват-доцента по кафедре русской истории, и он начал научную и преподавательскую деятельность в Московском университете¹⁰⁵. В середине 1890-х гг. на историко-филологическом факультете преподавали такие известные филологи, как Ф. Е. Корш, С. И. Соболевский, М. М. Покровский, С. В. Рождественский, слависты Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов, историки искусств И. В. Цветаев, В. Г. Аппельрот, Ф. Ф. Фортунатов, историки В. И. Герье, М. С. Корелин, Д. М. Петрушевский, В. О. Ключевский¹⁰⁶. Молодой приват-доцент читал в 1895/96 академическом году курс «История Западной Руси» (с середины XVIII в.)¹⁰⁷. В 1896 г. для желающих вел семинар, где изучались земские привилегии Литовско-Русского государства¹⁰⁸. В 1897–1899 гг. начал преподавать курс «Историческая география России в связи с историей колонизации»; с 1899 г. по поручению факультета курс «История западных славян» для исторического отделения и «Историю Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» для желающих¹⁰⁹. Эта тематика была углублена и расширена в последующих работах М. К. Любавского.

Таким образом, мы видим, что к 1900 г. определились три основные области дальнейших исторических интересов ученого: история Великого Княжества Литовского, историческая география и история западных славян.

Напряженная преподавательская деятельность в эти годы помогла отработать многие положения нового капитального исследования Любавского по истории Литовско-Русского сейма¹¹⁰. Истории происхождения областных сеймов достаточное место уделялось уже в главе IV первой монографии Любавского.

С сообщением «К истории Литовско-Русского сейма» своего рода проспект-программой будущего исследования М. К. Любавский выступил еще в феврале 1896 г. на заседании ОИДР¹¹¹. После шести лет работы тезисы переросли в фундаментальную монографию, ставившей своей целью изучение того центрального учреждения Литвы, в котором выражен «наиболее общий итог социально-политической истории этого государства за время его самостоятельного существования»¹¹².

В сумме своей магистерское и докторское исследования давали возможность рассмотреть социально-политический аспект внутреннего развития Великого Княжества Литовского в XIV–XVI вв. Успешному выполнению поставленных задач способствовало существование в русской историографии конца XIX в. труда В. О. Ключевского о Боярской думе, основанного на материалах по истории Северо-Восточной Руси.

Разрешение такой сложной и не разработанной в историко-юридической литературе темы, как Литовско-Русский сейм, требовало глубокой самостоятельной проработки большого комплекса источников, начиная с древнейших летописей и кончая огромным актовым матери-

¹⁰⁵ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1894 г. М., 1895. С. 67.

¹⁰⁶ Обзор преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета на 1895–1896 гг. М., 1895. С. 3–32.

¹⁰⁷ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1896 г. М., 1897. С. 27.

¹⁰⁸ Обзор преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1897–1898 гг. М., 1897. С. 13.

¹⁰⁹ Там же, за 1898–1899 гг. М., 1898. С. 14; Там же, за 1899–1900 гг. М., 1899. С. 13.

¹¹⁰ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901.

¹¹¹ Чтения ОИДР. М., 1898. Кн. II. С. 47.

¹¹² Любавский М. К. Литовско-русский сейм. С. 1.

алом, взятым из отечественных и зарубежных (польских, немецких) публикаций второй половины XIX в.

Основной объект изучения требовал в первую очередь анализа законодательных памятников. Здесь ученый с успехом применил историко-сравнительный метод. Сравнение более ранних статуты с более поздними давало возможность проследить их эволюцию, а их проверка и дополнение по другим источникам (преимущественно по актовому материалу, отображавшему повседневную жизнь государства) позволяли решить вопрос о степени реализации законодательства в действительности. Источниковедческая критика проводилась и путем анализа содержания самого источника, и путем использования результатов самостоятельных генеалогических разысканий.

Ценной чертой источниковедческого анализа, проведенного М. К. Любавским, стало умение выделять при изучении документов интересы того или иного социального слоя, которые в свою очередь накладывали отпечаток на характер и содержание источника. Выявляя в документе подобные интересы, историк всегда исходил из вопроса: кому это более всего выгодно? Нередко он признавал при этом преобладание экономических интересов над политическими и правовыми.

Логичная структура работы позволяла не потеряться в море фактов, а целенаправленно двигаться к решению поставленных задач. Конкретные, доказательные ответы на главные вопросы исследования (социально-политическое устройство Литовского государства в XIV–XVI вв., история его сейма и двух его «станов» шляхты и панов-рады, внешнеполитические отношения Литвы с Москвой и Польшей, уния с Польшей, система внутреннего управления Литовского государства и т. д.) стали важным научным достижением отечественной историографии. В ее арсенал вошел и вывод М. К. Любавского о сейме как порождении особенностей внутреннего развития социально-политического строя Литвы. Рассматривая феодализм в качестве формы организации власти и управления, ученый оставался на позициях государственной школы, но понимание сущности социальных процессов было более глубоким. Это сказалось в трактовке привилегированного положения и видной роли правящего шляхетского сословия в делах управления государством как прямого следствия экономического могущества шляхты по сравнению с другими слоями населения. Справедливо отмечалось, что «экономические факторы берут обыкновенно свое вопреки юридическим ограничениям»¹¹³.

Основанное на богатом и в значительной степени новом материале исследование М. К. Любавского «Литовско-русский сейм» было признано «ценным вкладом в историческую науку, восполняющим крупный пробел в русской и польской литературе по историографии Западной Руси»¹¹⁴. После защиты исследования как докторской диссертации 28 мая 1901 г. его автор был единогласно удостоен степени доктора русской истории. Труды М. К. Любавского, по мнению одного из рецензентов, составили «новую эпоху в развитии научного изучения прошлого Литовско-Русского государства»¹¹⁵. Правда, в эти годы некоторые ученые не только пытались оспаривать выводы Любавского об организации центральных учреждений Литовского государства (М. В. Довнар-Запольский)¹¹⁶, но и демонстрировали полное непризнание их правоты (Н. А. Максимейко, Ф. И. Леонтович)¹¹⁷. Матвей Кузьмич детально и критически рассмотрел аргументацию рецензентов и отстоял свою позицию¹¹⁸. Советская историография признала верность выводов М. К. Любавского¹¹⁹.

¹¹³ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. С. 848.

¹¹⁴ Исторический вестник. СПб., 1901. Т. 85. С. 360–361.

¹¹⁵ Отчет о присуждении премии Г. Ф. Карпова имп. ОИДР при Моск. университете. М., 1903. С. 9.

¹¹⁶ Довнар-Запольский М. В. Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма. СПб., 1904. С. 47.

¹¹⁷ Максимейко Н. А. Литовско-русские сеймы. Харьков, 1902. С. 40.

¹¹⁸ Любавский М. К. Новые труды по истории Литовско-Русского сейма // ЖМНП. 1903. № 2–3. С. 121–167.

¹¹⁹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва. С. 186.

После успешной защиты докторской диссертации М. К. Любавский, утвержденный в 1902 г. в должности экстраординарного профессора, фактически стал преемником В. О. Ключевского на кафедре русской истории. Получение кафедры состоялось при личном содействии В. О. Ключевского¹²⁰.

Новое положение обуславливало и иные масштабы работы. В 1902–1905 гг. Любавский стал читать курс по «Древней русской истории», вел семинары по теме «Главные источники древней русской истории» (летописи, Русская Правда, Судебник 1497 г.), по историографии и др.¹²¹ Он продолжал также вести курсы по исторической географии и истории западных славян, давал уроки в средних учебных заведениях, исполнял обязанности секретаря факультета, преподавал на Высших женских курсах¹²². Как видим, его педагогическая нагрузка в эти годы весьма внушительная.

Кроме того, в активе Любавского как исследователя к 1905 г. числилось около 25 печатных работ по истории Великого Княжества Литовского и западного славянства.

В эпоху революций (1905–1917 гг.). В период революционных потрясений 1905–1907 гг. русская либеральная буржуазия стала ратовать за единение с царизмом, твердой законной властью. Это было характерно и для М. К. Любавского, показавшего себя «академически» мыслящим консерватором¹²³. Под напором революционного движения правительство было вынуждено идти на уступки. Так, подачку в виде «Временных правил» подбросили и либерально настроенной профессуре Московского университета. Здесь вводилась ограниченная автономия. Совет университета избрал первого выборного ректора: 3 сентября им стал князь С. Н. Трубецкой, известный русский философ-идеалист и сторонник конституционной монархии. Для управления хозяйственными и учебными делами университета была создана комиссия в составе Р. Ю. Виппера, В. О. Ключевского, М. К. Любавского, В. И. Вернадского, К. А. Умова, К. А. Тимирязева, П. И. Новгородцева, И. А. Каблукова, В. М. Хвостова, А. Б. Фохта, И. Г. Спичарного и Д. И. Дьяконова¹²⁴.

Отрицательно относясь к революционному движению в эти годы, М. К. Любавский считал, что революционные события станут причиной гибели высшей школы на несколько лет¹²⁵. Революция определила и его отношение к основным политическим партиям России. К кадетам ученый по своим убеждениям примкнуть не мог, так как они «не провели достаточно резкой границы между собой и революционными партиями». Умеренно-прогрессивная партия отталкивала его своей «четырёххвостностью» (всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосов). Монархические партии были «уж очень ветхозаветны». «Скорее всего примкну к так называемой партии 17 октября, писал Любавский Герье, хотя по-настоящему следовало бы организовать свою партию октроированной конституции»¹²⁶. В предчувствии крайностей Матвей Кузьмич начал серьезно подумывать о перемене рода деятельности, поскольку ожидал в исторической науке «либо господства реакционного деспотизма, либо господства якобинского деспотизма». «И то и другое, отмечал он, одинаково для меня ненавистно»¹²⁷.

¹²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 158. Л. 329.

¹²¹ Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1902–1905 гг. М., 1902–1904. С. 13–16.

¹²² ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 5.

¹²³ ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 48. Д. 13 (Письма М. К. Любавского к В. И. Герье от 11 октября 1904 г. и 8 декабря 1904 г.).

¹²⁴ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1905 г. М., 1906. С. 63.

¹²⁵ ОР РГБ. Ф. 70. П. 48. Д. 14 (письмо М. К. Любавского к В. И. Герье от 27 декабря 1905 г.).

¹²⁶ ОР РГБ. Ф. 70. П. 48. Д. 15 (письмо М. К. Любавского к В. И. Герье от 2 января 1906 г.).

¹²⁷ Там же. Д. 15 (письма Любавского к Герье от 2 января 1906 г. и от 12 февраля 1905 г.).

В 1908 г. М. К. Любавский был избран деканом историко-филологического факультета и снова активно включился в административную работу не без желания способствовать введению студенческой молодежи в русло академической науки¹²⁸.

В небольших статьях, опубликованных в газете «Голос Москвы» (издатель и редактор А. И. Гучков), где Любавский вел отдел университетской жизни, Матвей Кузьмич раскрывал свое политическое кредо, призывал водрузить в университете знамя «академизма», покончить с ним как политическим клубом и «вернуть его к прямому назначению служения науке»¹²⁹. Ученый критиковал представителей «крайних» направлений (монархистов и социал-демократов) за «невнимание к условиям и данным текущей русской жизни, непонимание действительности». (Первых за попытки объяснить революцию как кару за отступление от истинно русского начала и введение конституции, а вторых за их веру, что «все можно перевернуть в России вверх дном» путем революционного изменения общественного строя.) Любавский считал революционные потрясения, переживаемые страной, не случайными событиями, а явлением, которое «долгое время вскармливало и воспалялось отсутствием политической свободы, приказным гнетом и произволом, поверхностным образованием нашего общества, народным невежеством и нищетою. Теперь же оно только вышло наружу во всей своей красе и силе»¹³⁰. Это отнюдь не означало, что он признавал революцию закономерным явлением в жизни общества. «Мы противники революции не только как практической политики, но и как исторической теории», писал Любавский в работе «Конституционное движение в России».

В 1910 г. Россия переживала период нового революционного подъема. Учащаяся молодежь активно включилась в общественное движение, выдвигая политические требования. Правительство обрушило на студентов репрессии. Министр народного просвещения Л. А. Кассо разослал 11 января 1911 г. циркуляр, в котором заявлял о недопустимости «публичных и частных студенческих собраний, за исключением собраний научного характера». Если же вопреки усилиям администрации сходка все-таки собиралась, ректорам предписывалось вызывать полицию. Ряд профессоров Московского университета во главе с ректором А. А. Мануйловым в знак протеста против действий министра подали в отставку. 1 февраля (ст. ст.) Л. А. Кассо удовлетворил их ходатайство. Университет остался без руководства и лучших профессоров. Дело шло к тому, что Россия могла лишиться своего прославленного учебного заведения оно разваливалось на глазах профессоров поддержали приват-доценты, многие младшие служащие также оставили должность в университете.

4 февраля 1911 г. М. К. Любавский, отдававший себе ясный отчет о последствиях такого разрушения, обратился к членам Совета университета со своеобразным посланием:

«Московский университет в настоящее время подожен и объят пламенем извне и внутри. Нам, его преподавателям, надо употребить все усилия, чтобы отстоять во что бы то ни стало нашу альма-матер, спасти все, что только можно. При таких обстоятельствах считаю, что личные чувства преподавателей, как бы благородны сами по себе они ни были, должны отойти на второй план и уступить требованиям блага университета. С этой точки зрения считаю роковой ошибкой выход преподавателей в отставку и полагаю, что Совет должен исчерпать все средства, чтобы убедить их взять назад свои прошения об отставке...»

С историко-филологического факультета уходил Д. М. Петрушевский. Как декан М. К. Любавский пытался не допустить такого шага. Он обратился к попечителю учебного округа, отметив, что отставка выдающегося специалиста по Средним векам скажется на качестве преподавания. Едва выздоровев от инфлюэнцы, протекавшей в тяжелой форме, М. К. Любавский поехал к Л. А. Кассо хлопотать за 25 студентов, которых полиция переписала на одной из

¹²⁸ Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1908–1909 гг. М., 1909. С. 14.

¹²⁹ Голос Москвы. 1907. 1 апр., 15 апр.

¹³⁰ Там же. 8 мая.

сходок и которые подлежали отчислению из университета. Преподаватели вступились за них и доказали, что полиция ошиблась студенты присутствовали на занятиях. Расправу удалось предотвратить.

Даже из этих поступков видно, насколько несправедливым было обвинение М. К. Любавского в «лакейском прислужничестве власти», которое сделали в свое время авторы «Истории Московского университета» (М., 1955. Т 1. С. 379).

В апреле 1911 г. Совет университета избрал профессора М. К. Любавского ректором. На этой должности он проработал до 1917 г., подвергаясь постоянным атакам то слева, то справа, так как радикалов не устраивало его стремление поставить университет вне политики. Как ни старался заниматься Матвей Кузьмич лишь учебными делами, но приходилось выполнять волю начальства, притом приказывало и начальство московское в лице попечителя, и начальство петербургское в лице министра просвещения. Часто их распоряжения вступали в противоречие друг с другом. Ректор не всегда угождал Совету, а уж сторонники университетской автономии были недовольны М. К. Любавским за одно то, что он согласился стать ректором.

Однако несмотря на все это, Любавский медленно, но неуклонно восстанавливал университет после разгрома 1911 г. При этом прежде всего ученый думал о необходимости этого высшего учебного заведения для России, а не о выполнении предписаний свыше. Не случайно на официальном заседании Совета, посвященном 300-летию Дома Романовых, ректор «говорил больше о патриотизме народа, чем о заслугах и династии», что не ускользнуло от внимания современников.

Успешное «упорядочение» университета и умелое ведение его хозяйственных дел укрепили авторитет М. К. Любавского в глазах профессуры. В марте 1914 г. он был избран ректором на второе трехлетие (67 избирательных шаров и 12 неизбирательных)¹³¹.

На этом посту и застала Матвея Кузьмича Первая мировая война. Патриотические настроения захватили многих русских интеллигентов; призывы правительства к войне против «немецких варваров» увлекли даже таких демократически настроенных людей, как А. Н. Толстой, В. Г. Короленко¹³².

Как и многие другие патриотически настроенные русские интеллигенты, М. К. Любавский был сторонником войны до победного конца. Перед лицом немецкой опасности он призывал сплотиться, прекратить внутренние распри, применить суровые меры к спекулянтам, так как борьба, по его мнению, предстояла «на жизнь и на смерть»¹³³. Как ректор Московского университета Любавский выступил инициатором «Ответов русских ученых на обращение немецких ученых к «культурному миру»¹³⁴, в которых критиковалась ложь по поводу предъявленных Германией обвинений в «вандализме» и нарушении законов международного права. Активное участие ректор принимал в работе университета, направленной на оборону страны¹³⁵.

Деятельно помогал М. К. Любавский становлению и работе периодического печатного органа русских историков «Исторические известия» (начал выходить с 1916 г.)¹³⁶. В эти же годы он выступал одним из инициаторов и организаторов намечавшегося на 1919 г. первого съезда историков¹³⁷. Активно сотрудничал в ОИДР, секретарем которого был с 1907 по 1917 г., а председателем с 1917 по 1929 г.

¹³¹ ОР РГБ. Ф. 263. Д. без шифра (А. Н. Савин. Дневник. Университетские дела, 1914, с. 106); РГИА. Ф. 749. Оп. 7. Д. 500. Л. 26–26 об.

¹³² Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 31–32.

¹³³ Любавский М. К. О значении переживаемого ныне исторического момента. М., 1915. С. 8.

¹³⁴ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 92. Д. 747. Л. 5 об., 6.

¹³⁵ Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1915 г. М., 1916. С. 221–228, 415; РГА, Москва. Ф. 418. Оп. 93. Д. 763. Л. 11–11 об.

¹³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 50. Л. 38; Д. 50. Л. 127.

¹³⁷ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 29 (письмо Д. Н. Егорова к М. К. Любавскому от 19. VI. 1916); Д. 28 (письмо М. К. Любавского

Несмотря на значительно увеличивавшийся объем административной работы, Матвей Кузьмич плодотворно и успешно занимался научной и преподавательской деятельностью. Помимо ставших традиционными для него курсов по истории западных славян, древней русской истории (до конца XVI в.), исторической географии, Любавский стал читать новые по истории Польши, Чехии, русской истории XVII в. и первой четверти XVIII в. Вел семинары источниковедческого характера, где изучались Литовские Статуты, сочинение Г. К. Котошихина, Русская Правда, общеземские и областные привилеи Великого Княжества Литовского, Соборное уложение 1649 г., волочная помера и уставы Сигизмунда Августа¹³⁸.

Знаком признания и высокой оценки творчества Любавского со стороны русской научной общественности стало его избрание действительным членом многих научных обществ и почетным членом ряда ученых губернских архивных комиссий¹³⁹. Группа ведущих представителей русской исторической науки подготовила к 30-летию научной и педагогической деятельности М. К. Любавского сборник статей в его честь¹⁴⁰. Московская университетская историческая наука того периода видела в Любавском крупного русского ученого, создавшего в науке о русской истории совершенно новую область¹⁴¹. По рекомендации М. А. Дьяконова в декабре 1917 г. ученый был избран членом-корреспондентом Российской академии наук¹⁴². Он являлся не только крупным историком-исследователем, но и «выдающимся профессором»¹⁴³, учителем видных советских историков: В. И. Пичеты, Н. Г. Бережкова, В. А. Панова, А. А. Новосельского, В. К. Никольского, руководителем магистерских занятий С. В. Бахрушина¹⁴⁴.

Из научных работ Любавского этого периода особого внимания заслуживал «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910). Своеобразный итог обобщение положений магистерской и докторской диссертаций эта работа знакомила с социально-политической эволюцией Великого Княжества Литовского X–XVI вв.

В научной литературе в то время не существовало труда, который давал бы в известной степени общую концепцию «Литовско-Русской истории». Любавский старался, по его словам, держаться «на уровне существующих научных разысканий». Поэтому, как ни важно было освещение экономической эволюции Литовско-Русского государства и истории его духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении «ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких исследований по этой части»¹⁴⁵. Сами экономические мероприятия, проводившиеся в этом государстве, интересовали историка, но не с точки зрения экономического содержания, а их публично-правовой аспект. В «Очерке...» формулировался вывод о том, что в «Литовско-Русском государстве господствовал такой же феодализм, как и на Западе в средние века»¹⁴⁶. Заслуживает внимания попытка Любавского раскрыть историю социально-политического организма Великого Княжества Литовского в сравнении с Русским государством XIV–XVI вв. Это давало возможность проследить, как различные условия повлияли на развитие в разных направлениях двух государств, близких первоначально (XII–XIII вв.) по структуре их социально-политических институтов. Изучение внутренней истории ВКЛ, сохранившего больше традиций и архаиче-

к А. Н. Игнатьеву от 28. VI. 1916).

¹³⁸ Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета за 1906–1915 акад. гг. М., 1906–1916. С. 7–14.

¹³⁹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 9.

¹⁴⁰ Архив ЛОИИ. Ф. 29. Д. 1. Л. 2 (Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917).

¹⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 42. Л. 5.

¹⁴² РО РНБ. Ф. 270. Д. 11. Л. 1–4; Архив РАН (СПб.). Ф. 1. Оп. 1 а. № 164. С. 291.

¹⁴³ Черепнин Л. В. И. А. Голубцов ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 185.

¹⁴⁴ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 476. Д. 35. Л. 26.

¹⁴⁵ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 1.

¹⁴⁶ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 132–133.

ских черт, чем Северо-Восточная Русь, позволяло уяснить особенности древнейшего и средневекового периода русской истории, помогало лучше представить своеобразие исторического процесса в Русском государстве XV–XVI вв.

Работа была признана «превосходной»¹⁴⁷, «очень ценным пособием»¹⁴⁸, удачной попыткой построения общего курса «Литовско-Русской» истории на научных основаниях, крупным вкладом в науку, от которого, как от отправной точки, предстоит идти дальнейшим исследованиям¹⁴⁹. Многие выводы и наблюдения, сделанные Любавским в этой работе, вошли в основной фонд отечественной литуанистики и не потеряли своего значения и в наше время¹⁵⁰.

Большая часть научных достижений ученого относится к 1906–1911 гг. (литографированные курсы по исторической географии России, истории западных славян, «Очерк...», ряд статей по истории России XIX в.). В течение 1912–1917 гг. вышли лишь «Лекции по древней русской истории до конца XVI в.» (М., 1915). Постоянная занятость Любавского служебными делами естественным образом оставляла меньше времени для исследовательской работы.

Из его трудов второго десятилетия XX в. событием в российском славяноведении стал выход в свет «Истории западных славян». Славянская тематика в творчестве М. К. Любавского появилась не случайно. Для него это не «проходная» тема. Уже в годы учебы в Московском университете будущий ученый внимательно изучал литературу по истории западных славян. Этот интерес был обусловлен как влиянием одного из его учителей профессора Н. А. Попова, так и необходимостью сбора данных по истории Польши, после того как наметилась «ведущая» тема ранних исследований Любавского история Великого Княжества Литовского. Изучение истории, местного и центрального управления Литовско-Русского государства было невозможно без знания социально-политической структуры и правовых институтов древнего Польского государства, сначала соседа, а затем союзника Великого Княжества Литовского, образовавшего с ним в XVI в. единое государство Речь Посполитую.

Уже в процессе работы над магистерской диссертацией Любавский, помимо самостоятельного глубокого изучения Литовской Метрики, исследовал и польские картографические источники XV–XVII вв., а также польские законодательные памятники XIV–XVII вв. С 1899 г. «славянская» тематика прочно и надолго вошла в круг научных и преподавательских интересов ученого. По поручению историко-филологического факультета он начал преподавать «Историю западных славян» для студентов своего исторического отделения¹⁵¹. Курс этот, который Любавский читал в течение четверти века, был впервые издан в 1917 г. и приобрел большую популярность у слушателей тех лет.

Издание его именно в 1917 г. было далеко не случайным. Сам автор недвусмысленно указывал на это во введении ко второму изданию курса, так как считал, что изучение истории западных славян «прежде всего должно раскрыть и объяснить факт тех народных потерь, которые понесло славянство по соседству с германским миром»¹⁵².

«Автора глубоко волновали вопросы, идущие от современности: как смогли западные славяне в большинстве удержать свою народность под напором чуждых стихий, при помощи каких средств и при содействии каких обстоятельств? Уяснение всего этого для русских, считает Любавский, имеет не только «теоретическое», но и жизненное значение, ибо дает возмож-

¹⁴⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1916. С. 129.

¹⁴⁸ Кизеветтер А. А. М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. // Русская мысль. 1910. № 5. С. 196.

¹⁴⁹ Малиновский И. Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП. 1910. № 11. С. 154, 159.

¹⁵⁰ Паицто В. Т. Образование Литовского государства. С. 187–191.

¹⁵¹ Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете имп. Московского университета за 1899–1900 акад. гг. М., 1899. С. 13.

¹⁵² Любавский М. К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). 2-е изд. М., 1918. С. 1.

ность оценить должным образом позицию, занятую западными славянами в семье европейских народностей и взвесить до известной степени их шансы в будущем»¹⁵³.

Нацеленность работы на современность, продиктованная Первой мировой войной, сказалась даже на расположении материалов внутри курса. Стремление связать настоящее западного славянства с его прошлым заставило М. К. Любавского больше места уделить рассмотрению вопросов новой и новейшей истории Польши и Чехии.

Потребность слушателей русских университетов в учебном пособии такого рода продиктовала необходимость широкого хронологического охвата разрабатываемой проблематики (с VII в. до 1910 г.), привлечения широкого круга источников и литературы. В курсе М. К. Любавского использованы работы более 100 авторов. Включены в него и собственные наблюдения автора, содержащиеся в его статьях по истории Польши¹⁵⁴. Отличное знание источников позволяло использовать труды предшественников и современников критически, самостоятельно и четко решать серьезные, конкретные проблемы истории западных славян.

Определенный вклад в науку внесли ценные наблюдения и замечания автора курса по ряду важных вопросов социально-политической истории Польского и Чешского государств. В первых восьми главах курса Любавский рассматривает историю западного славянства VI–IX вв. как историю единого этнического целого, уделяя особое внимание вопросам расселения славян в бассейне Вислы, Одера, Эльбы и Дуная, экономического и социального устройства, борьбы с соседями, создания и форм первоначальных государственных образований. Ученый отмечал огромное влияние торговли на процесс образования в них «общественных классов». Признание этого факта вылилось в четкую, недвусмысленную формулу: «имущественное неравенство повело к изменению социальной структуры западно-славянских обществ» (факторами, способствовавшими этому, были развитие торговли и земледелия, а также обогащение более зажиточной племенной верхушки панов и князей)¹⁵⁵.

Новым обстоятельством, определявшим социальную эволюцию западнославянского общества с X в., признавалась его напряженная борьба за существование с германской экспансией на Восток. Это содействовало созданию среди западнославянских союзов крупных государственных образований¹⁵⁶, которые ученый охарактеризовал как «патриархальные монархии, опиравшиеся на военнотрудовой класс». Опираясь на его силу, княжеская власть овладела народными массами¹⁵⁷. Введение христианства привело к еще большему усилению роли княжеской власти в политической жизни западнославянских княжеств-государств. В социальной жизни этот момент способствовал выделению нового привилегированного класса духовенства, получившего от княжеской власти материальные и правовые льготы. Рост прав и материальной мощи церкви способствовал ее превращению «в крупную общественную и политическую силу»¹⁵⁸.

¹⁵³ Там же. С. 3–4.

¹⁵⁴ Любавский М. К. Начальная история малорусского казачества // ЖМНП. 1895. № 7. С. 217–244; *Его же*. Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше // Книга для чтения по истории средних веков/ под ред. проф. П. Г. Виноградова. М., 1899. Вып. III. С. 427–447; *Его же*. Польский король Казимир Великий // Там же. С. 442–470; *Его же*. Нешавские статуты Казимира Ягелловича и значение их в истории государственного развития Польши // Там же. С. 471–493; *Его же*. Отзыв о сочинении А. В. Стороженко «Стефан Баторий и Днепровские казаки», «Отчет о 48 присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1908. С. 1–41; *Его же*. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7. С. 88–104; *Его же*. Царство Польское и его конституция // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1912. Т. III. С. 687–710.

¹⁵⁵ Любавский М. К. История западных славян. С. 23.

¹⁵⁶ Там же. С. 24–25.

¹⁵⁷ Там же. С. 41, 44–47.

¹⁵⁸ Там же. С. 67.

В очерке по истории Чехии IX–XIX вв., огромное влияние на которую, по мнению ученого, оказало экономическое, социально-политическое и культурное воздействие Германии¹⁵⁹, наиболее интересными и верными с позиций современного славяноведения выглядят характеристики чешского реформационного движения в XV–XVI вв. В этом сложном явлении, в котором тесно сплелись религиозные, национальные, социальные и политические интересы чешского общества, исследователь справедливо выделял его экономическую основу (недовольство чехов непрерывным ростом церковного землевладения)¹⁶⁰. Под религиозной оболочкой движения ученый видел его социальное содержание: «... народ стекался в Табор в чаянии улучшения не только церкви, но и своего материального положения и с решимостью содействовать этому. Движение охватило и панских крестьян, которые бросали свои хозяйства и шли в Табор, не обращая внимания на угрозы своих панов. И они также увидели в своих оброках и повинностях нарушение Божьего закона»¹⁶¹. В социальном антагонизме политических группировок внутри гуситского движения, а не в разногласиях в догматах и обрядах крылась, по мнению М. К. Любавского, главная причина междоусобной борьбы между этими группировками¹⁶².

Доказательными и достаточно полно раскрытыми выглядят выводы исследователя о том, что политика Габсбургов в Чехии в XVI–XVII вв. была направлена на уничтожение народных вольностей, всех особенностей чешского быта, унаследованных от эпохи самостоятельного существования¹⁶³, а также утверждение о росте экономического потенциала страны в XIX в. как основе чешского национального возрождения¹⁶⁴. Свежим и необычным для того времени воспринималось включение в контекст очерка по истории Чехии главы, показывавшей картину социально-политической жизни страны в новейший период ее истории (конец XIX начало XX в.), оценки которому даются с либеральных, панславистских позиций¹⁶⁵.

Социально-политическую историю Польши (X–XIX вв.) ученый рассматривал в тесной связи с историей Русского государства. Сравнение политических и правовых институтов феодальных Руси и Польши нередко давало возможность Любавскому делать оригинальные, интересные наблюдения и выводы. Один из них о наличии феодальных отношений в Польше новый для того времени, поскольку польская историография длительное время отрицала их наличие в древнем Польском государстве. (Вопрос о феодализме в Польше был поставлен только в 1930-е гг.¹⁶⁶) Следует отметить, что в своем понимании феодализма Любавский стоял на позициях юридической школы, хотя и неоднократно указывал на экономическую основу политического могущества польских феодалов-«можновладыцев» крупные земельные владения¹⁶⁷.

Внимательное, мастерское «прочтение» источника позволило М. К. Любавскому указать на главную причину экономического и политического застоя Польши в XVIII в. и потери своей независимости. Это, по мнению ученого, – шляхетская «золотая вольность», тесно связанная с «железным порабощением народной массы»¹⁶⁸. Эти причины, усугубленные религиозной нетерпимостью, сопровождавшей наступление католической реакции в государстве, а также моральным упадком шляхты, развившимся «на почве полного безделья и барства», привели к

¹⁵⁹ Там же. С. 92, 94, 106.

¹⁶⁰ Там же. С. 123.

¹⁶¹ Любавский М. К. История западных славян. С. 138.

¹⁶² Там же. С. 142.

¹⁶³ Там же. С. 149.

¹⁶⁴ Там же. С. 208.

¹⁶⁵ Там же. С. 228–240.

¹⁶⁶ Пичета В. И., Шустер В. А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 226.

¹⁶⁷ Любавский М. К. История западных славян. С. 247, 250, 268, 251, 270.

¹⁶⁸ Там же. С. 310.

тому, что у Польши в XVIII в. осталось «очень мало шансов на сохранение своего существования»¹⁶⁹.

Ученый дал трезвую оценку пребыванию Польши в XIX начале XX в. под «скипетрами» трех монархий: Пруссии, Австрии и России. Позиция либерального и панславистски настроенного историка диктовала необходимость критики в первую очередь попыток Австрии и Пруссии «онемечить» Польшу. Но далеко не в радужном свете характеризовались и русификаторские потуги царского правительства после 1818 г., когда «реакционный дух, охвативший императора Александра в эту эпоху, проявился и в других сторонах его политики в Польше»¹⁷⁰, превратившейся после поражения восстания 1830 г. в «оккупированный край, имевший особое управление с участием туземцев»¹⁷¹. В неприглядном для царского правительства свете исследователь показал реакционные усилия самодержавия по русификации Польши в 60-80-е годы XIX в.

«История западных славян» стала для исторической науки того времени не только ценным учебным пособием, но и во многих его разделах оригинальным научным исследованием (вопросы о классовом образовании и создании государств у западных славян, о взаимоотношениях германцев и славян, о польском феодализме и характере реформационного движения в Чехии). Превосходное знание источников и литературы позволило ученому нарисовать яркую, четкую картину истории правовых и политических институтов Чехии и Польши. Многие конкретные наблюдения и выводы Любавского по вопросам истории западного славянства неоднократно использовались в работах советских славяноведов.

Выдающиеся заслуги ученого в области отечественного славяноведения, в то время когда история западных славян оставалась еще, по выражению Г. А. Ильинского, «золушкой исторического исследования», дают возможность оспорить историографический «канон», который трактует М. К. Любавского как историка «одной темы» (история Великого Княжества Литовского)¹⁷². Нельзя не учитывать то огромное научное значение, которое имел курс в контексте своей эпохи, не принимать во внимание тот факт, что «История западных славян» стала учебником для нескольких поколений русских и советских славяноведов (в их числе ученик М. К. Любавского выдающийся советский славяновед академик В. И. Пичета).

Лекционные курсы М. К. Любавского по истории феодальной России¹⁷³ с очевидностью обнаруживают, что в условиях кризиса российской исторической науки развитие ее в начале XX в. не прекращалось, а в рамках разработанных концепций исторического развития отдельные его стороны находили верное освещение¹⁷⁴.

Между тем положение в стране в эти годы было весьма сложным и трудным. Коррупция, спекуляция, развал власти, близорукость царя, происки германофилов с царицей во главе все это привело к тому, что М. К. Любавский, «умеренный из умеренных», в своей речи на Совете университета 26 ноября 1916 г. подверг критике существующее положение вещей, а затем решился на «чтение телеграммы Родзянко с пожеланиями Государственной Думе одержать верх в борьбе с темными силами в защиту национального достоинства России»¹⁷⁵. Фев-

¹⁶⁹ Любавский М. К. История западных славян. С. 316.

¹⁷⁰ Там же. С. 385.

¹⁷¹ Там же. С. 397.

¹⁷² Историография истории СССР. 2-е изд. М., 1971. С. 310.

¹⁷³ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915 (2-е и 3-е изд. этого курса вышли в 1916 и 1918 гг.); *Его же*. Русская история XVII и первой четверти XVIII вв. Курс, читанный в весеннем семестре 1911 г. М., 1911; *Его же*. Русская история XVIII века (По запискам слушателей). М., 1913.

¹⁷⁴ Любавский М. К. Лекции... С. 65, 70, 73, 74, 81, 85, 88, 90–95, 101–103, 111–123, 146, 151–152, 164–171, 182–183, 217–220, 237, 255, 260–278.

¹⁷⁵ ОР РГБ. Ф. 263. Д. без шифра (Савин А. И. Университетские дела. 1916). С. 255.

ральскую революцию Любавский принял как должное и закономерное явление¹⁷⁶. Скептически наблюдая за попытками Временного правительства обуздать ход событий, ведущих к новой революции, он считал, что Временному правительству судорожные усилия спасти буржуазную республику помогут как «мертвому припарки»¹⁷⁷. Любавский оценивал грядущие события пессимистично и глубоко переживал их как ведущие, по его мнению, государство к гибели¹⁷⁸.

Еще в марте 1917 г. М. К. Любавский решил устраниваться от административной деятельности. 29 апреля 1917 г. ректором Московского университета был избран М. А. Мензбир (Любавский свою кандидатуру не выдвигал)¹⁷⁹. С этого времени он целиком посвятил себя преподавательской деятельности.

Советский период жизни и творчества (1917–1936 гг.). М. К. Любавский, как и большинство либеральной профессуры, воспринял враждебно Октябрьскую революцию, круто изменившую не только жизнь страны, но и личную судьбу¹⁸⁰. Пятидесятилетнему маститому историку, добившемуся благодаря незаурядным способностям и огромной работоспособности высокого положения в ученой среде, тяжело было переживать крушение мира своих социальных и политических ценностей. Тем не менее он не бросал работу в университете и призывал русскую интеллигенцию «не уходить в сторону в тяжелый для Родины час»¹⁸¹.

Основной работой ученого после революции стала деятельность в архивах республики. Университету он теперь уделял значительно меньше времени. В июле 1918 г. М. К. Любавский принимал участие в совещании Наркомпроса по реформе высшего образования¹⁸².

В конце марта 1919 г. Матвей Кузьмич был избран на конкурсной основе профессором факультета общественных наук (ФОН) МГУ (43 голоса за, 1 против)¹⁸³, а фактически начал работать с сентября 1919 г.¹⁸⁴, когда было решено «просить профессора Любавского читать курс по истории Киевской Руси, ввиду того, что профессор Любавский является крупнейшим специалистом в данной области и подходит к ее изучению с новой и оригинальной точки зрения»¹⁸⁵. В 1919–1920 гг. Любавский планировал начать чтение лекций по истории русской колонизации, истории Литовско-Русского государства и западных славян¹⁸⁶. Насколько эту программу удалось осуществить, сведений не имеется, поскольку в те годы в 1-м МГУ часто меняли не только руководящий, но и преподавательский состав.

Политика Наркомпроса, указывал В. П. Волгин, «по отношению к ФОНу исполнена противоречий и колебаний: ответственные лица Наркомпроса то заявляли о государственной важности факультета, то о возможности его закрытия»¹⁸⁷. Эта тенденция особенно усилилась с сентября 1920 г., когда во главе МГУ был поставлен «левый коммунист» Д. П. Боголепов, часто увольнявший университетских профессоров лишь за то, что они «старые»¹⁸⁸. Только в мае 1921 г., когда новым ректором стал пользовавшийся авторитетом среди университетских

¹⁷⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 4. Л. 225 об.

¹⁷⁷ Там же. С. 337.

¹⁷⁸ Там же. С. 252, 325.

¹⁷⁹ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 95. Д. 926. Л. 1 об., 13.

¹⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 585. Оп. 2, а 1196. Л. 30.

¹⁸¹ Любавский М. К. Основные моменты истории Белоруссии (доклад, читанный на I заседании Белорусского научно-культурного общества). М., 1918. С. 23.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 18. Ед. хр. 28.

¹⁸³ Архив МГУ Ф. 18. Оп. 1. Д. 14. Л. 11; Д. 10. Л. 33.

¹⁸⁴ Там же. Д. 12. Л. 85–85 об.

¹⁸⁵ Там же. Д. 7

¹⁸⁶ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–5.

¹⁸⁸ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 325–326.

преподавателей историк-коммунист В. П. Волгин, учебная и научная работа в вузе нормализовалась.

В 1920-е гг. М. К. Любавский читал в университете лекции по истории Великого Княжества Литовского, истории России XVIII в. и исторической географии. К 1927 г. он подготовил исследование «Образование государственной территории великорусского племени. Заселение и объединение центра», к 1929 г. – «Историю архивного дела в дореволюционной России в связи с историей учреждений»¹⁸⁹ (вторая работа, к сожалению, не опубликована). Настроения новой преподавательской среды повлияли на политические взгляды Любавского и его лояльное отношение к советской власти. В это время у Любавского завязались плодотворные деловые и личные отношения с В. И. Невским и А. В. Адоратским, с которыми Матвей Кузьмич был тесно связан и по работе в Центрархиве. Сохранился проспект намечаемой работы тех лет «Русский кризис, его генезис и перспективы». Это своего рода исследование-раздумье ученого о причинах революции в России, в котором он попытался показать социальные и культурно-бытовые противоречия в дореволюционной России, противоречия, которые «были более резкими, чем в какой-либо другой европейской стране»¹⁹⁰.

Ученый стремился понять и решить мучивший его вопрос как и почему произошли события, перевернувшие жизнь огромной страны.

Будучи великолепным знатоком исторической картографии, М. К. Любавский принимал участие в качестве эксперта-консультанта в работе по заключению мирного Рижского договора РСФСР с Польшей¹⁹¹. В тяжелые и голодные для страны годы Матвей Кузьмич не покинул Россию, несмотря на то что получал неоднократные предложения выехать в Польшу и Германию, а также в Литовскую Республику, где труды историка ценились очень высоко¹⁹².

Помимо преподавательской работы в 1-м МГУ, Любавский продолжал свою деятельность в качестве председателя ОИДР вплоть до его закрытия в 1929 г.¹⁹³ В 1925 г. Общество пополнилось новыми работниками еще сравнительно молодыми, начинающими свой творческий путь учеными И. И. Полосиным, Н. М. Дружининым, Б. Е. Сыроечковским, Г. А. Новицким, К. В. Базилевичем, К. В. Сивковым, С. Н. Черновым, С. Д. Сказкиным, М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепниным¹⁹⁴. Но несмотря на это, ОИДР вести работу в прежних масштабах не смогло. В Обществе Матвей Кузьмич не раз выступал с научными рефератами («К истории колонизации Малорусской Украины» «Возвышение и присоединение Великого княжества Владимирского», «Кто был Михайло Литвин, написавший в половине XVI века трактат “О нравах татар, литовцев и московитов”» и «Славяне и Литва в XI–XII вв.»)¹⁹⁵.

Интенсивную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность в эти годы ученый сочетал с огромным подвижническим трудом в архивном деле. В этой области после победы Октября были созданы широкие возможности для осуществления полной его централизации. До 1920 г. М. К. Любавский являлся постоянным членом коллегии и заместителем заведующего Главного управления архивными делами (ГУАД) Д. Б. Рязанова¹⁹⁶. Активную деятельность на архивном поприще Матвей Кузьмич начал с весны 1918 г., когда он возглавил Московское отделение ГУАД (Московское областное управление архивным делом). При его создании были использованы основные положения доклада «Об организации московских

¹⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3.

¹⁹⁰ Там же. Д. 39. Л. 11.

¹⁹¹ ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

¹⁹² Там же. Ф. 203. Оп. 43. Л. 222, 224–225 об., 229 об.

¹⁹³ Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского гос. университета за 1925–1926 гг. М., 1927. С. 343.

¹⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 203. П. 48. Л. 52, 226 об., 362.

¹⁹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 37. Л. 37.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 39. Л. 6–6 об.

архивов», прочитанного М. К. Любавским на коллегии ГУАД¹⁹⁷. Особое внимание в это время он уделял задаче спасения материалов московских учреждений XIX начала XX в.¹⁹⁸ Матвей Кузьмич редактировал проект «Декрета о хранении и уничтожении архивных документов», в декабре 1918 г. его замечания были заслушаны коллегией ГУАД. Ученый предложил распространить законодательство по обсуждаемым вопросам на местные архивы, наметил общую схему проведения архивной реформы на местах (создание губернских управлений архивными делами). Эти предложения были поддержаны и приняты коллегией ГУАД¹⁹⁹. В 1918–1919 гг. работа ученого в области архивного строительства была связана также с деятельностью научно-издательской комиссии ГУАД, созданной с целью централизации издания архивных публикаций и руководства в методическом плане публикаторскими учреждениями РСФСР²⁰⁰. Он неоднократно высказывался за необходимость издания в первую очередь документов и актов Нового времени, имеющих первостепенное научное и политическое значение (докладов шефов жандармов, министров юстиции и внутренних дел царю, материалов о восстаниях Степана Разина, Емельяна Пугачева, о декабристах и др.)²⁰¹.

Практика советского архивного строительства требовала теоретического обобщения накопленного опыта. Эту работу М. К. Любавский вместе с В. М. Фриче, А. А. Сергеевым проводил в научно-теоретической коллегии (НТК) Главархива²⁰² (руководитель В. В. Адоратский). Ученый занимался распределением архивных собраний и фондов дореволюционных учреждений по секциям и внутри них²⁰³, вопросами концентрации документов монастырских и усадебных архивов²⁰⁴. Включение этих материалов в состав государственных архивов имело большое значение в деле создания первоклассной источниковой базы научных исследований по истории хозяйства феодальной России.

Будучи заместителем председателя поверочной (председатель В. И. Невский) и научно-технической (председатель В. В. Адоратский) комиссий, М. К. Любавский принимал деятельное участие в разработке проблем экспертизы ценности, учета, описания и хранения документов²⁰⁵.

Под руководством М. К. Любавского в 1920-е гг. проводится большая работа по приведению в порядок и описанию документальных сокровищ в Древлехранилище, директором которого он был с 1920 по 1930 г. (упорядочение 700 грамот Коллегии экономии, составление топографического указателя книг и связок Разрядного, Патриаршего, Дворцового приказов и Сената, выявление для публикации документов по истории стрелецких восстаний XVII в. и восстания под руководством С. Разина)²⁰⁶.

Любавский неоднократно применял свои обширные и глубокие познания в области архивоведения, источниковедения и исторической географии как эксперт ряда правительственных комиссий. В 1922 г. в комиссии по реализации условий Рижского мирного договора, в 1925 г. в комиссии по передаче союзным республикам (УССР и БССР) материалов, хранящихся в РСФСР, и др.²⁰⁷

¹⁹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 3–6.

¹⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 22; О деятельности М. К. Любавского в архивных органах РСФСР см.: Карев Д. В. Участие акад. М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Сов. архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 112. Л. 8–14.

²⁰⁰ Там же. Оп. 5. Д. 100. Л. 2–2 об.

²⁰¹ Там же. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 37. Л. 9, 12–13.

²⁰² Архивное дело. М.; Л., 1925. Вып. 2. С. 129–130.

²⁰³ ГАРФ. Ф. 4360. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–25.

²⁰⁴ Там же. Ф. 5325. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–1 об.; Д. 170. Л. 1, 2, 13–15, 28, 29, 123 об. 124.

²⁰⁵ Максаков В. В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 62.

²⁰⁶ Архивное дело. Вып. 2. С. 130; Бюллетень Централхива РСФСР, 1925–1927. М., 1927. С. 130.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 5. Д. 14. Л. 66; Оп. 7. Д. 174.

Огромный вклад внес ученый в подготовку специалистов архивного дела. Еще в августе 1918 г. на заседании ОИДР он сделал сообщение об организации архивных курсов²⁰⁸, а с ноября 1918 до 1930 г. руководил их работой, читал лекции по исторической географии и истории архивного дела в России²⁰⁹.

Достигнутые успехи позволили уже в 1921 г. поставить вопрос об организации специального архивного вуза. На 1-й конференции архивных деятелей РСФСР М. К. Любавский выдвинул разработанный им проект организации в Москве и Петрограде двух архивно-археографических институтов. Проект получил положительную оценку участников конференции, и последующая разработка этих вопросов была поручена специальной комиссии²¹⁰.

Созданный в 1929 г. при этнологическом факультете 1-го МГУ архивный цикл выступил своего рода промежуточной ступенью между архивными курсами и будущим институтом. М. К. Любавский читал его студентам лекции по истории архивного дела в России, вел семинарские занятия. Для слушателей курсов и студентов архивного цикла он написал учебное пособие «История архивного дела в России»²¹¹, в котором рассматривалась история происхождения и функционирования архивов центральных и местных государственных учреждений страны с X по XX в.²¹² Появление в 1920 г. «Исторического очерка архивного дела в России» И. Л. Маяковского, а в 1929 г. курса М. К. Любавского было делом, тесно связанным с практикой архивного строительства. Чтобы привести все многообразие документов в систему, соответствующую их исторической природе и в то же время отвечающую требованиям их использования, нужны были знания о составе и организации архивных богатств страны.

Научная общественность высоко оценила заслуги ученого как в деле разработки крупных проблемных вопросов отечественной истории, так и громадную работу на архивном поприще. В 1929 г. М. К. Любавский был избран действительным членом АН СССР по отделению общественных наук²¹³.

В августе 1930 г. ученый подвергся необоснованным репрессиям и был лишен звания академика²¹⁴. Матвей Кузьмич был арестован по делу «О контрреволюционных замыслах» академиков и профессоров истории. После года предварительного заключения, десятков дневных и ночных допросов ему объявили постановление коллегии ОГПУ, по которому он признавался виновным сразу по нескольким пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса и приговорен к ссылке на 5 лет с зачетом предварительного заключения.

Раскрученный с осени 1929 г. репрессивный маховик так называемого «дела академика С. Ф. Платонова» затянул в свой трагический водоворот к лету 1930 г. цвет российской исторической науки: в Петербурге С. Ф. Платонова, Н. П. Лихачева, Е. В. Тарле, Б. А. Романова, П. Т. Васенко, С. В. Рождественского; в Москве М. К. Любавского, Ю. В. Готье, Д. Н. Егорова, А. И. Яковлева, В. И. Пичету, С. В. Бахрушина. Дело об «академических вредителях», практически не сходявшее со страниц печати, ясно показывало, что ни о каком объективном следствии «по делу Платонова» не могло быть и речи. В атмосфере вражды и подозрительности к «старой» интеллигенции, открыто обвиняемой во «вредительстве», следователи ОГПУ усмотрели в группе ученых крупную контрреволюционную организацию, которая ставила своей целью ни

²⁰⁸ Карев Д. В. Участие акад. М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Сов. архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 109. Л. 2.

²¹⁰ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. Вып. 2. С. 6, 36; ОРГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 9. Л. 1–6.

²¹¹ Архивное дело. М., 1923. Вып. 1. С. 120–130.

²¹² ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 11, 12; Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 98. Л. 53; Архивное дело. М., 1927. Вып. X. С. 28; Специально о нем см.: Карев Д. В. История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М. К. Любавского // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 89–90.

²¹³ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 17. Л. 1–2, 166.

²¹⁴ Там же. Л. 41, 43.

много ни мало «свержение Советской власти и установление конституционно-монархического строя в стране»²¹⁵.

В январе-феврале 1929 г. вместе с М. К. Любавским действительными членами АН СССР были избраны 38 человек. Многие из них стали гордостью отечественной науки биохимик А. Н. Бах, биолог Н. И. Вавилов, геолог И. М. Губкин, химик Н. Д. Зелинский, энергетик Г. М. Кржижановский, геолог и географ В. А. Обручев, агрохимик Д. Н. Прянишников, оптик Д. С. Рождественский, химик-органик А. Е. Фаворский...

Судьбы избранников этого академического призыва сложились по-разному. Одних ждали признание и почет, премии и награды, долгая прижизненная и посмертная слава. Но среди этой славной когорты есть и другой список. В 1940 г. были репрессированы и погибли историк Н. М. Лукин, микробиолог Г. А. Надсон, тюрколог А. Н. Самойлович, а еще через три года в сталинском лагере оборвалась жизнь гениального Н. И. Вавилова.

Открыл этот трагический ряд своей ссылкой в 1930 г. старый профессор-историк, бывший ректор Московского университета М. К. Любавский. После застенков ОГПУ уфимская ссылка с ее возможностями пусть ненадежного, но спасительного ухода от кошмара действительности в работу могла показаться чудом. Последний период жизни М. К. Любавского был связан с Уфой. В Институте национальной культуры Любавский проработал научным сотрудником с 1932 по 1935 г.²¹⁶

В уфимский период ученый занимался новыми для него проблемами – историей аграрных отношений и социальных движений в дореволюционной России. Были написаны интересные монографии о вотчинниках Башкирии, «Очерки по истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв.», где исследовались многие из ключевых проблем истории феодальной Башкирии.

Поднятый и введенный в научный оборот в этих монографиях пласт местной источниковой «целины» чрезвычайно повышает их ценность. Плохое состояние местной источниковой базы по истории феодальной Башкирии сделало особенно актуальной необходимость публикации капитального исследования ученого по истории землевладения и землепользования в крае и двух подготовленных им к печати сборников документов по социально-экономической истории Башкирии XVII–XIX вв.

М. К. Любавскому принадлежит приоритет в постановке ряда крупных проблем, изучение которых продолжается исследователями и в наши дни. Ученый задумал цикл исторических очерков по дореволюционной истории Башкирии. Много было сделано, но многое осталось в набросках и планах. 22 ноября 1936 г. М. К. Любавский скончался в Уфе, где и был похоронен.

В августе 1967 г. дело по обвинению М. К. Любавского об участии в «контрреволюционном заговоре» было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР. Ученый был реабилитирован посмертно. В сентябре этого же года ввиду того, что действительный член Академии наук Матвей Кузьмич Любавский был реабилитирован, Президиум АН СССР принял постановление: «Восстановить Любавского М. К. в списках действительных членов АН СССР». М. В. Келдыш в личном письме поздравил В. М. Ливанову с реабилитацией ее отца²¹⁷.

²¹⁵ См.: *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // *ВИ.* 1989. № 5. С. 117–129.

²¹⁶ Научный архив БФ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1. Л. 12; Д. 2. Л. 16 об.; ЦГА Республики Башкортостан. Ф. р. 798. Оп. 1. Д. 2626; ОР РГБ. Ф. 364. К. 8. Д. 2; Семейный архив В. М. и Г. В. Ливановых // Там же.

²¹⁷ Семейный архив В. М. и Г. В. Ливановых.

История дореволюционной России в историко-географических трудах М. К. Любавского и его лекционных курсах начала XX в

Проблемы исторической географии России и расселения в трудах 1900-х гг.

Методологической базой историко-географических исследований в русской историографии конца XIX начала XX в. являлись позитивистские теории, которые получили обоснование прежде всего в широко распространенных среди историков России конца XIX начала XX в. (П. Н. Милоков, М. М. Ковалевский и др.)²¹⁸ идеях немецкой антропогеографии. Эти идеи в значительной степени обусловили повышенный интерес к исторической географии научной дисциплине, для которой вопросы взаимодействия природы и общества в прошедшие эпохи являются центральными.

Русских историков-«государственников» эта наука привлекала потому, что историко-географический аспект изучения прошлого давал возможность, по их мнению, добывать точные знания о прошлом, поскольку историческая деятельность находит объективное отражение в источниках по исторической географии (акты, географическая номенклатура, данные археологии, исторического языкознания и т. д.). Разрабатывая проблемы исторической географии, «государственники» второго поколения искали дополнительные аргументы в защиту основных положений «государственной» теории. Из двух частей «формулы государства» у позитивистов «власть плюс территория» в историко-географических исследованиях конца XIX начала XX в. на первый план выходит именно вторая. Эти работы ставили своей целью исследовать «материальный фундамент» государственной власти для обоснования закономерности появления такого института, как государство.

Возросший интерес к исторической географии, совершенствование приемов историко-географического изучения объясняются рядом причин не только социально-политического, но и географического характера. Влияли и внутренние законы развития самой исторической науки. Историко-географическое изучение страны было связано с общей тенденцией специализации исторических исследований во второй половине XIX в. В 1870-е гг. стремление к изучению «областной», местной истории в историко-географическом разрезе определяло пристальный интерес к вопросам формирования территории, внутренней колонизации, поскольку, по мысли С. М. Середонина, одного из видных представителей этого течения, «история окраин есть в то же время история колонизации»²¹⁹.

Исходным положением при построении курса исторической географии, доведенного Любавским до конца XIX в., было признание выдающейся роли колонизации в формировании государственной территории России. Основная задача автора — доказать на конкретно-историческом материале тезис о том, что русская история есть история непрерывно колонизирующейся страны.

Главные концептуальные положения В. О. Ключевского о ходе, особенностях русской колонизации и ее влиянии на экономический и общественный быт русского народа были той основой, на которой выросли конкретно-исторические наблюдения М. К. Любавского. Значительное влияние на теоретическую основу курса оказали также идеи о характере русского исторического процесса в XIII–XVI вв., которые он развивал в это время параллельно с П.

²¹⁸ Середонин С. М. Историческая география. Лекции, читанные в СПб. Археологическом институте и стенографически записанные. СПб., 1906–1909. С. 5.

²¹⁹ Мацков Л. Н. Заметки по географии Древней Руси. М., 1974. С. 17–18.

Н. Милюковым²²⁰. Наиболее полно они изложены во введении к курсу²²¹. «В истории колонизации, считал Любавский, надо искать объяснение политическим делениям Руси в разное время... и объяснение разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо многое тут зависело от занятий новых стран с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие уясняется из истории расселения русского народа»²²². Таковы «внешние», по выражению Любавского, соображения, которые заставляют его связывать историю России с историей колонизации. Но еще важнее соображения «внутреннего» свойства, вытекающие из понятия об основной научной задаче исторической географии «выяснение влияния внешней природы на человека», изучение борьбы человека с ней, ее результатов.

Для историка главный вопрос истории колонизации страны это вопрос о том, как и почему русский народ «разбросался» на территории, далеко не соответствующей его численности. По его мнению, этот фактор для России стал сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании²²³.

Трактовка причин контраста между Россией и Западом, между «верхами» и «низами» русского общества, объяснение характера и формы политического устройства страны свидетельствуют о приверженности М. К. Любавского положениям «государственной» школы. Он считает закономерной для России XIV–XVIII вв. такую политическую форму государства, как самодержавие. В объяснении причин «непомерного развития» государственной власти Любавский исходит из развивавшихся им одновременно и параллельно с П. Н. Милюковым положений (абсолютизм следствие необходимости того, чтобы государственная власть взяла на себя заботу об общих интересах «разряженной, а потому податливой массы» народа в период чрезвычайно напряженной военной деятельности)²²⁴.

При создании работы привлекался самый разнообразный и широкий круг научных исследований: по истории колонизации отдельных земель, по исторической географии Древней Руси, литература справочного характера. В тексте курса использованы наблюдения и выводы, почерпнутые из исследований видных отечественных антропологов и этнографов (Д. Н. Анучин, Г. Н. Потанин и др.), археологов (А. С. Уваров, А. А. Спицин и др.), языковедов (А. А. Шахматов, В. Ф. Миллер, К. Р. Брандт), географов (П. П. Семенов Тян-Шанский, А. А. Воейков, Л. И. Мечников, Л. Н. Майков), почвоведов (В. В. Докучаев, Ф. И. Рупрехт), экономистов (А. А. Риттих, А. А. Кауфман).

Привлекался огромный массив источников из всех основных отечественных и зарубежных (немецких, польских, венгерских) изданий XIX в. Широко использовались картографические источники XV–XIX вв., данные топонимики. Исследователю удалось реконструировать исторические факты, картины колонизационных процессов с помощью умелого использования, детального сравнения данных разнотипных источников об одном и том же событии, исторической ретроспекции.

В историко-географическом обозрении России, которое дал М. К. Любавский, охвачены огромные территории: Вологодский и Архангельский край, Дон, Кубань, Терек и Левобережная Украина, Поволжье, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток. Историю колонизации этих районов он рассматривал не столько в хронологическом порядке, сколько по направлениям «колонизационных потоков».

²²⁰ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 12.

²²¹ Там же. С. 78.

²²² Там же.

²²³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 4-е изд. СПб., 1905. С. 148, 139; Любавский М. К. Историческая география России... С. 11–12.

²²⁴ Любавский М. К. Историческая география России... С. 68, 177–178, 205, 235, 275, 289, 295.

В 24 главах исследования содержится богатейшая россыпь конкретноисторических наблюдений: о причинах, источниках, формах, путях, особенностях, темпах русского колонизационного процесса на различных этапах исторического пути России. Вопросы эти М. К. Любавский решал очень гибко, убедительно показывал и доказывал, что в зависимости от конкретно-исторических условий, в которых находилась страна, от целей и задач, стоявших перед народом и государством в освоении определенного географического района, преобладала та или другая форма («вольнонародная», «правительственная», «монастырская») ²²⁵.

Материал работы можно сгруппировать в 6 основных разделов по двум основаниям:

1) характер колонизационного движения («внешняя» или «внутренняя» колонизация), который прослеживался в тесной связи с социально-экономическим и политическим контекстом рассматриваемого исторического периода;

2) его форма, зависимость которой от породившей ее исторической действительности отмечается историком на протяжении всего курса ²²⁶.

Первая из тем, которую можно назвать условно «Историческая география Древней Руси» (IX первая треть XIII в.), освещается в 10 главах работы. Для этого периода характерна «внешняя» (экстенсивная) колонизация восточнославянскими племенами, а затем населением древнерусских княжеств северозападных и северо-восточных районов Восточной Европы.

Причины, породившие интенсивное освоение Северо-Восточной Руси, по мнению ученого, носили комплексный характер. Первая из них более высокий естественный прирост населения «на спокойном севере», где оно не встречало таких препятствий, как «на опасном юге». Вторая «прилив» населения с юга, обусловленный натиском кочевников (печенегов, половцев) и частыми разорительными усобицами князей. Третья влияние характера хозяйственной деятельности древнерусского населения (экстенсивное земледелие, рыбная ловля, охота, бортничество), которая заставляла его «раскидываться мелкими поселками на большом пространстве». И, наконец, четвертая «благоприятная этнографическая обстановка» на севере ²²⁷. Продвижение это происходило не без борьбы колонистов с аборигенами, но «нередко устанавливалось и мирное сожительство славян с финнами, которое, весьма вероятно, уже в древнейшие времена вело к их смешению» ²²⁸. Этими факторами можно объяснить, считал Любавский, резкое усиление в конце XII начале XIII в. Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств.

Изучение вопросов политической географии и географии населения Древней Руси IX–XIII вв. ученый увязывал не только с социально-экономическим и политическим фоном изучаемой эпохи, но и ее физико-географической основой. В главе IV курса («Степь и лес в начальные времена русской колонизации») Любавский на основе почвенных карт Европейской России и географической номенклатуры реконструировал ландшафт Восточной Европы XI–XIII вв. «Русская оседлость, писал историк, кончалась там, где кончались более или менее значительные леса и начиналось царство степи. Распределение же растительности в связи с соотношением речных систем определило и внутреннее размещение русского населения в древнейший период нашей истории». Этот вывод выглядит как-будто традиционно, в русле взглядов Соловьева и Ключевского. Но Любавский пошел дальше:

«Это размещение не было равномерным: русские селения были раскиданы известными группами, как бы островами среди степей, лесов, болот» ²²⁹. Подобная мысль, раскрытая ученым на конкретно-историческом материале, привела его к интересному выводу, своеобразно

²²⁵ Там же. С. 131.

²²⁶ Любавский М. К. Историческая география России... С. 38, 39, 91, 120, 124.

²²⁷ Там же. С. 125.

²²⁸ Там же. С. 74.

²²⁹ Там же. С. 85.

объяснившему политическую «рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деления по землям и княжениям», которые «вытекали из одного и того же факта физического пространственного разобщения различных групп русского населения»²³⁰.

При изображении природы страны Соловьев и Ключевский, как известно, считали, что равнинный характер России, отсутствие внутри нее естественных преград и близость расположения крупных речных бассейнов способствовали государственному объединению²³¹. Любавский же показывает, что внутри страны имелись мощные естественные преграды (дремучие леса, обширные болотные трясины), которые серьезно затрудняли общение проживавшего в Руси населения. Отсюда следовал принципиальный вывод о том, что природа страны с самого начала нашей истории «вовсе не содействовала образованию на Руси единого и тесно сплоченного государства, а, наоборот, обрекла русское население на более или менее продолжительное время сгруппироваться в мелких союзах, тяготеть к местным средоточиям, проникаться местными привязанностями и интересами»²³². Вывод подтверждался и аргументами из области «экономического быта» русского населения того времени: тесная связь земельного владения с охотничьим, рыболовным и бортническим промыслами приводила к тому, что расселение русского народа не «могло быть поступательным движением густой массы народа, но совершалось вразброд, мелкими группами на более или менее далекое расстояние»²³³.

Любавский считал, что в теории «городовых волостей» Ключевского недостаточно подчеркнут географический фактор, действовавший при образовании земель, так как историк не указывал, что земли эти обособлялись в отдельные группы естественно «лесными пущами и болотными трясины». Границы земель, по мнению Любавского, были намечены до известной степени самой природой, а не явились результатом случайных политических успехов главных городов земель или их князей. Этот вывод объективно наносил удар по схеме Ключевского в вопросе о «Киевском периоде» русской истории.

Критика эта²³⁴ была попыткой обновить и подкрепить «государственную» схему русского исторического процесса новыми положениями. Они появились в ходе конкретно-исторической разработки тех вопросов, которыми первое поколение «государственников» занималось в общем плане, подходя к их изучению с позиций формально-юридического метода.

Татарские погромы XIII–XIV вв. и их влияние на размещение русского населения (глава XI) сюжет второй большой темы. В это время «началась новая эпоха в истории русской колонизации, подготовленная задержкой населения в лесной области и сосредоточением народных сил, эпоха обратного наступления русского населения в степь, начавшаяся с образования государств Литовско-Русского и Московского»²³⁵.

На основании данных летописей, исторической диалектологии и географической номенклатуры исследователь нарисовал картину размещения восточнославянского населения к середине XIV в. и пришел к новым интересным выводам. Первый из них отмечал принципиальную неверность утверждений о совершенном отсутствии русского населения в Диком поле. Любавский аргументированно утверждал, что «южные пределы русской оседлости претерпели мало изменений по сравнению с тем, как они наметились еще при половцах... а часть населения, которая купила себе пощаду покорностью, была даже вытянута из своих пределов в более южные районы»²³⁶.

²³⁰ Ключевский В. О. Соч. М., 1956. Т. 1. С. 62.

²³¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 1. С. 61; Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 62.

²³² Любавский М. К. Историческая география России... С. 86.

²³³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII стст. СПб., 1901. С. 155, 156–157, 215, 219, 293, 294; Его же. Лекции по русской истории. Т. 1: Киевская Русь. М., 1938. С. 9, 137.

²³⁴ Любавский М. К. Историческая география России. С. 131.

²³⁵ Любавский М. К. Историческая география России... С. 141, 143, 144.

²³⁶ Там же. С. 145, 151, 153–155.

Влияние татарских набегов серьезнейшим образом сказалось в другом – в размещении населения в Галицкой Руси, в ее усилении (именно здесь с XIV в. появляется термин «Малая Русь»); в том, что в Ростово-Суздальской земле сбитое на север и запад татарской волной многолюдное население сделало Московское княжество самой крупной политической силой Северо-Восточной Руси²³⁷.

В XIV начале XV в. этот же прибой татарских волн, задержав распространение русского населения Ростово-Суздальской земли в юго-восточном направлении, заставил определенную его часть искать новые места для земледелия и промыслов на северо-востоке (Белозеро, Молога, Шексна), что привело, по мнению ученого, к «столкновениям в этом районе со встречной волной новгородской колонизации»²³⁸, а впоследствии (в XV в.) к ожесточенной борьбе между Москвой и Новгородом за эти территории. Так Любавским была дана новая и очень основательная историко-демографическая трактовка давно обсуждавшегося в русской дореволюционной историографии вопроса о причинах «возвышения» Москвы. Она получила высокую оценку в историографии 1910-1920-х гг.²³⁹

В тесной связи с «татарской эпохой» возникает, согласно Любавскому, новая по форме «ветвь» колонизации монастырская колонизация Русского Севера и Северо-Востока. Третий очерк историка (главы XII–XIV) содержит наблюдения об условиях, причинах, характере и последствиях для государства этой формы колонизационного движения в России XIV–XVIII вв. В трактовке причины ее появления ученый стоял на позициях идеализации, считая, что она была обусловлена фактором «чисто духовного свойства стремлением к пустынножительству». Реальная же картина изученного им явления, отдельные оговорки самого ученого противоречат этой установке. Так, он писал, что вслед «за вождями отшельничества многие удалялись в пустыню и по соображениям и потребностям чисто материального свойства» бежали в спокойные места от татарских погромов. Любавский отмечал, что монастырская колонизация обходила районы колонизации княжеской; что монастыри и «тянувшее» к ним крестьянство пользовались экономическими выгодами и льготами²⁴⁰. Все это свидетельствовало о социально-экономических причинах этого движения, а отнюдь не о «духовном факторе», будто бы лежавшем в его основе.

Монастыри XV–XVII вв., как можно убедиться из авторского изложения, выступали как мощная экономическая и социальная сила, «формой общественной организации, близкой к казачеству»²⁴¹. Причем ученый отмечал, что монахи разрабатывали свои земли в основном трудом крестьян²⁴². Он сделал важные выводы о роли и значении монастырей в заселении России: монастыри не только равномерно «разредили» по Руси ее жителей в XV–XVI вв., но и задержали их в центре страны в период колонизации юга и востока в XVII–XVIII вв.; они же содействовали ассимиляции «иностранцев»²⁴³. Подобные наблюдения до сих пор представляют большой интерес и заслуживают пристального внимания историков и дальнейшей разработки.

Социальная подоплека колонизационного движения хорошо прослежена в 4-м очерке, посвященном заселению и освоению русским населением юговосточных и южных степных пространств Восточной Европы (Поволжье, Степная Украина, Дон, Урал, Предкавказье). Покорение Казани и Астрахани было «исторической необходимостью» (обеспечение безопасности русских северо-восточных земель от набегов) и «сулило огромные экономические блага», так

²³⁷ Там же. С. 157, 162.

²³⁸ Любавский М. К. Историческая география России. С. 163, 165, 166, 184.

²³⁹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1915. С. 143; РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Л. 34.

²⁴⁰ Любавский М. К. Историческая география России... С. 177–178.

²⁴¹ Там же. С. 184.

²⁴² Там же. С. 178, 179, 187, 190.

²⁴³ Там же. С. 209, 210, 237.

как Казань и Астрахань играли роль центров восточной торговли²⁴⁴. Быстрое освоение завоеванного Казанского царства было бы невозможным, по мнению историка, если бы главная роль в заселении его земель не «принадлежала все-таки крестьянину-земледельцу и мелкому служилому человеку. Они, можно сказать, шли рука об руку, взаимно поддерживая друг друга, мало даже отличаясь друг от друга по роду своей деятельности...»²⁴⁵ Историк отмечал, что причинами ухода русских людей на окраины выступало не только наличие там плодородных неистощенных земель, «но чаще всего нужда, невозможность выполнить государственные и частные обязательства, угнетение со стороны властей и землевладельцев...»²⁴⁶

Такой же характер (сочетание государственной, военнотрудовой и крестьянской форм колонизации) имела, как считал Любавский, и колонизация степной Украины, где «оседлый человек при каждом своем шаге вперед создавал себе опору, твердыню, загромождая все новыми и новыми перегородками степные шляхи, в конце оттеснил татарина к самому морю»²⁴⁷. Освоение этих земель, обильно политых потом и кровью русского крестьянства и военнотрудовых людей, оборона их от крымцев вместе с потомками ханов и мурзами, по наблюдению Любавского, стоили Русскому государству столько же, если не больше, сколько тот выход, который некогда платила Русь в Орду²⁴⁸. Колонизация Предкавказья, как считал ученый, была простым продолжением заселения степной Украины, последним ее моментом, и поэтому носила все тот же характер²⁴⁹.

Область Дона, в отличие от предыдущих районов, была освоена в XVI–XVIII вв. «вольной народной колонизацией», поэтому правительству осталось только позаботиться о включении в состав государства территории, уже приобретенной инициативой и средствами народа. Успехи колонизации в этих районах историк объяснял особой общественной организацией, приспособленной к условиям жизни в донских краях и особым подбором социальных сил, очень активно устремившихся на Дон с XVII в., когда «государственное бремя тяжелее давило народную массу, чем прежде»²⁵⁰. Но и здесь переход казачества в начале XVIII в. к земледелию, а в конце XVIII в. успехи «государственной» колонизации в крае сгладили бытовые особенности Дона, обусловленные историей его заселения, превратили укрепленные поселки казаков («городки») в типичные села, удержавшие только старинные названия станиц²⁵¹.

Пристальное внимание историка привлекала проблема колонизации Сибири в XVI–XIX вв. (главы XV, XX–XXIV), что было не только отражением глубокого интереса к этому краю в русском обществе в начале XX в. Сибирь поражала богатством разнообразных форм ее освоения, позволяла ретроспективно выработать модель колонизационных процессов восточного славянства в Восточной Европе VII–IX вв.²⁵²

Для создания своего «сибирского очерка» ученый использовал сравнительно небольшой круг литературы, но отличающейся концептуальной емкостью. Критическое использование разнообразного историографического наследия и тщательная проработка источников по истории колонизации Сибири (записки иностранцев XVI первой половины XIX в.; материалы ревизий и законодательство XVIII–XIX вв.) позволили историку создать цельное полотно истории такого сложного явления, как колонизация Сибири, интересно решить вопросы соотношения форм колонизации, их значения в процессе освоения территорий.

²⁴⁴ Там же. С. 234.

²⁴⁵ Там же. С. 217.

²⁴⁶ Там же. С. 255.

²⁴⁷ Там же. С. 264.

²⁴⁸ Любавский М. К. Историческая география России... С. 288.

²⁴⁹ Там же. С. 279–280.

²⁵⁰ Там же. С. 282.

²⁵¹ Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 131.

²⁵² Любавский М. К. Историческая география России. С. 321, 341.

Любавский рассматривал ход колонизации Сибири, предварительно разбив его на ряд этапов (отличающихся по целям и методам освоения края), так как это был сложный и длительный процесс.

Уже на первом этапе колонизации Сибири (XVI–XVII вв.) историк выделил две ее «струи»: «правительственную» и «вольнонародную», отдавая предпочтение последней. Для Любавского не подлежало сомнению, что народ-герой колонизации Сибири, которая была освоена не столько благодаря блестящим подвигам, сколько путем поселения служилых людей и крестьян, постройки городов и острожков. При этом подчеркивалась огромная роль частной инициативы торгово-промышленных кругов Русского Севера (городов Поморья и Приуралья), в известной степени стихийный характер освоения Сибири в конце XVI–XVII в.²⁵³ Желание правительства (главной целью которого в этот период было «подчинение инородцев и сбор ясака») удержать за собой занятую богатую территорию совпадало, по мнению Любавского, с интересами народных масс, искавших «лучших условий для своего труда, чем на родине».

Описывая вольнонародную, крестьянскую колонизацию и государственное заселение Сибири «по указу» и «прибору», исследователь определил продвижение русского народа в этом районе как преимущественно мирное. Ценны и интересные замечания Любавского о том, как и какими людьми по социальному и имущественному положению осваивались Сибирь и Дальний Восток, каким был тип расселения и чем он определялся²⁵⁴.

XVIII первая половина XIX в. в истории Сибири были, по мнению историка, эпохой «невольной» колонизации, носившей принудительный со стороны правительства характер (в основном в форме ссылки). Колонизационное значение ссылки для освоения Сибири Любавский считал ничтожным. Уголовная ссылка поставляла нетрудовой контингент, не обеспечивала материального существования ссыльных, обрекая на смерть или бегство из каторжной неволи. Невысоко оценивал ученый и крайне робкую, противоречивую переселенческую политику царского правительства, предпринятую с начала XIX в. как средство перевода избыточного населения из Европейского Центра на восток.

При изучении проблемы нельзя было обойти острый вопрос об этнических последствиях колонизации для аборигенов. К чести ученого, он сумел взглянуть на них трезво, оценив методы эксплуатации края как «грабеж» и причину «вымирания инородцев»²⁵⁵. Этот взгляд на национальный вопрос в либеральной историографии России был показателем той эволюции научных ориентиров, когда «великорусские» позиции (учителей С. М. Соловьева, В. О. Ключевского) начинают заменять «российскими»²⁵⁶.

Характеризуя колонизацию Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX начале XX в., Любавский отмечал «господство экономического фактора» (недостаточный размер наделных земель у крестьянства Европейской России результат крепостного права и последствий Крестьянской реформы 1861 г., «искусственно задержавших земледельческое население в отдельных местностях»)²⁵⁷ как главную причину переселения. Господствующей формой колонизации Сибири в это время стала, по его мнению, народная колонизация. Исключением были Амурский и Уссурийский края, заселение которых обуславливалось военно-стратегическими и политическими соображениями.

Научные наблюдения и выводы по вопросам колонизации края внесли долю новизны в историческую науку того времени (вопросы о соотношении форм колонизации, составе пере-

²⁵³ Любавский М. К. Историческая география России... С. 296, 148–203, 301, 324.

²⁵⁴ Там же. С. 325–331, 338.

²⁵⁵ Там же. С. 342–361.

²⁵⁶ Там же. С. 303, 316, 342.

²⁵⁷ Любавский М. К. Историческая география России... С. 364–365, 377–379.

селенцев, характере расселения, темпах колонизационных процессов, рассмотрение истории колонизации Сибири в связи с историей заселения других районов страны и др.).

В целом обобщающее исследование М. К. Любавского следует оценить как значительное научное явление, а самого ученого как виднейшего знатока исторической географии начала XX в. В своем труде историк впервые попытался создать сводный очерк исторической географии страны с точки зрения колонизации, реализовать и существенно уточнить схему В. О. Ключевского, одного из своих учителей, на конкретно-историческом материале.

Рожденная на пересечении научных интересов Любавского с возможностями и запросами времени конца XIX начала XX в., эта работа несет на себе отпечаток как личности самого создателя, «государственника»-позитивиста либерального направления, так и эпохи. Основные установки «государственной» школы находят у него отражение в трактовке государственной власти феодальной России как силы, действующей в интересах всего общества; подчеркивании активной роли государства при колонизации некоторых районов страны (степная Украина XVI–XVII вв., Сибирь XIX в.); идеализации монастырской колонизации Русского Севера; недооценке сословных противоречий, которые часто заставляли народные массы осваивать окраинные территории «скорее вопреки крепостничеству, чем в русле его»²⁵⁸.

По широте охвата затронутых проблем и поднятого источникового материала, по хронологической глубине их рассмотрения (с IX по начало XX в.) исследование Любавского выгодно отличается от историко-географических работ его предшественников и современников. В исследовании ученого ясно намечаются три сферы исторической географии: политическая историческая география, география населения и отдельные аспекты исторической географии хозяйства. Само понимание ученым колонизации как освоения новых территорий прежде всего в хозяйственном отношении заставляло его включать в круг задач исторической географии и историческую географию народного хозяйства.

«Географическая» постановка вопросов применительно к рассмотрению социально-экономических и политических явлений русской истории IX–XX вв. привела историка к новой трактовке ряда ее ключевых проблем. Отличный знаток источников и тонкий их истолкователь, Любавский сделал ряд интересных и важных для анализа политической истории Руси XI–XV вв. наблюдений. Роль географического фактора в политической раздробленности XI–XIII вв., «демографическая» трактовка причины возвышения Москвы как одного из важнейших вопросов образования Московского государства, татарское нашествие и география населения Руси в XIII–XVI вв. таковы лишь некоторые новые аспекты, рассмотренные М. К. Любавским при решении проблемы особенностей политической структуры Киевской Руси и образования Российского государства.

²⁵⁸ Преображенский П. А. Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 170–173; Колесников А. Д. С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 177–178.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.